

СЕРГЕЙ СНЕГОВ ЛЮДИ КАК БОГИ

КОЛЬЦО ОБРАТНОГО ВРЕМЕНИ ///

SERGEY SNEGOV
HUMANS AS GODS

Люди как боги

Сергей Снегов

**Люди как боги. Книга 3.
Кольцо обратного времени**

«СОЮЗ»

1968

Снегов С. А.

Люди как боги. Книга 3. Кольцо обратного времени /
С. А. Снегов — «СОЮЗ», 1968 — (Люди как боги)

ISBN 978-5-6049167-6-6

Приключения Эли и его команды продолжаются. При проходе через пылевые облака к Ядру, отважные покорители космоса видят удар луча колоссальной силы по одной из звезд. Возможно, это оружие рамиров и тогда защиты от него нет, но все же, посоветовавшись, командиры принимают решение продолжить полет. Звездолёты проходят через скопление звезд с наличием планет с идеальными условиями для жизни, однако, все они необитаемы. Это просто «рай на экспорт», по определению Гамазина. Если предположить, что «экспортеры» – рамиры, то какой же невообразимой технологической и индустриальной мощью должна обладать их цивилизация?

ISBN 978-5-6049167-6-6

© Снегов С. А., 1968

© СОЮЗ, 1968

Содержание

Часть первая. Мученики звездной дисгармонии	7
1	7
2	9
3	12
4	15
5	18
6	22
7	26
8	29
Часть вторая. Гибнущие миры	34
1	35
2	38
3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Снегов
Люди как боги
Книга третья
Кольцо обратного времени

© Т. С. Ленская
© Е. С. Ленский
© ИП Воробьёв В. А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

*Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,*

*А потому, что я томлюсь с другими.
И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа.
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.*
Ин. Анненский

*Вот ваш Лондон, леди. Узнаете?
Я его дарю вам. Это он
В каждом звуке, в каждом повороте,
В ускользающем водовороте
Сна, так непохожего на сон.*
Вс. Рождественский

Часть первая. Мученики звездной дисгармонии

1

В этот день хлынул громкий дождь – это я хорошо помню. В Управлении Земной Оси что-то разладилось: праздник Большой летней грозы планировался через неделю. А косые прутья дождя звучно секли окна, по бульвару мчались пенистые потоки. Я бегом поднялся на веранду восьмидесятого этажа и с наслаждением подставил лицо незапрограммированному ливню. Я, конечно, мигом промок до нитки. И когда Мери позвала меня, не откликнулся: я знал, что она сердится. Я и раньше не надевал плаща, выбегая на дождь, – это всегда вызывало ее недовольство. Она продолжала звать:

– Эли! Эли! Спускайся! Тебя вызывает Ромеро.

Когда Мери упомянула Ромеро, я возвратился.

Посреди комнаты стоял Павел – естественно, это было его изображение, а не он сам. Но стереопередачи теперь достигли такого совершенства, что мне всегда хочется пожать руку образу собеседника.

– Дорогой адмирал, плохие новости! – сказал Ромеро. Я уже двадцать лет не адмирал, но иначе он меня по-прежнему не называет. – Мы наконец разобрались в обстоятельствах гибели экспедиции Аллана Круза и Леонида Мравы. Должен с сокрушением вас информировать, что первоначальная гипотеза случайной аварии опровергнута. Не оправдалось и предположение, что Аллан и Леонид допустили просчеты. Все их распоряжения посмертно подтверждены Большой Академической машиной: действия наших бедных друзей были наилучшими в тех ужасных условиях.

– Вы хотите сказать, Павел... – начал я, но он не дал мне договорить. Он был так взволнован, что пренебрег своей неизменной вежливостью.

– Да, именно это, адмирал! Против них велись военные действия, а они и не догадывались! Они утверждали о природных феноменах, а на самом деле было вражеское противодействие. Не было чудес природы, дорогой адмирал, – была война! Наша первая экспедиция в ядро Галактики погибла в звездных сражениях, а не в игре стихий, – такова печальная правда о походе Аллана Круза и Леонида Мравы.

Ромеро всегда изъяснялся велеречиво. С тех пор как его избрали в Большой Совет и назначили главным историографом Межзвездного Союза, эта его черта усилилась. Возможно, в древности только так и разговаривали, но стиль этот слишком высок для повседневных дел. Впрочем, о гибели первой экспедиции в ядро Галактики говорить иначе было нельзя.

– Когда похороны погибших?

– Через неделю. Адмирал, вы первый, кому я сообщил о новостях, связанных с экспедицией Аллана, и вы, несомненно, догадываетесь, почему мы раньше всего обратились к вам!

– Несомненно другое: понятия не имею, зачем я вам понадобился.

– Большой Совет хочет посоветоваться с вами. Мы просим вас подумать о том, что я сообщил.

– Буду думать, – сказал я, и Ромеро растаял.

Накинув плащ, я возвратился в сад восьмидесятого этажа. Вскоре ко мне присоединилась Мери. Я обнял ее, мы прижались друг к другу. Ясное утро превратилось в сумрачный вечер, не было видно ни туч, ни деревьев бульвара, ни даже садов шестидесятого этажа. В мире сейчас был один дождь, сияющий, громогласный, певучий, настолько упоенный собой, такой стремительный, что я пожалел об отсутствии у меня крыльев: надо было в воздухе побороться с потоками этой ликующей воды – полеты в авиетках все же не дают полноты ощущения.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказала Мери.

– Да, Мери, – ответил я. – Ровно тридцать лет назад в такой же праздник летней грозы я мчался среди потоков воды – и ты упрекнула меня в том, что я фанфароню на высоте. Мы постарели, Мери. Сейчас бы я не удержался в сплетении электрических разрядов.

Временами меня пугает, насколько лучше, чем я сам, Мери разбирается в моих ощущениях. Она печально улыбнулась:

– Ты думал не об этом. Ты жалеешь, что тебя не было в том уголке Вселенной, где погибли наши друзья. Тебе кажется, что, будь ты с ними, экспедиция вернулась бы без таких потерь.

...Я диктую этот текст в коконе иновременного существования. Что это означает, я объясню потом. Передо мной в прозрачной капсуле, подвешенной в силовом поле, отталкивающий и вечный труп предателя, сбросившего нас в бездну. На стереозэкранах разворачивается пейзаж непредставимого мира, ад катастрофического звездоворота. Я твердо знаю, что этот чудовищный мир не мой, не людской, враждебный не только всему живому, но и всему разумному, и я уже не верю, что мое участие может гарантировать от потерь. Я несу ответственность за нашу экспедицию, и я сознательно веду ее по пути, в конце которого, вероятней всего, гибель. Такова правда. Если эти записи каким-то чудом дойдут до Земли, пусть люди знают: я полностью вижу грозную правду, полностью осознаю вину за нее. Мне нет оправданий. Это не отчаянье – это понимание.

А в тот день на прекрасной зеленой Земле, недостижимо, непостижимо далекой Земле, под громкую музыку летнего ливня я с грустью ответил жене:

– Мне многого хочется, Мери! Желания усиливают инерцию существования – сперва тащат вперед, затем тормозят дряхление. В молодости и старости желается больше, чем может. Говорю тебе: я слишком стар для моих желаний. Нам остается одно, моя подружка: тихо увядать. Тихо увядать, Мери!

2

На космодроме, где приземлился звездолет из Персея, я не был, на траурное заседание Большого Совета не пошел. Стереозкраны в моей комнате не включались. Мери потом рассказывала, как величественно печальна была церемония передачи на Землю погибших астронавтов. Она плакала, когда возвратилась с космодрома. Я молча выслушал ее и ушел к себе.

Если бы я так держался в первые годы нашего знакомства, она назвала бы меня бесчувственным. Сейчас она понимала меня. На Земле давно нет болезней, само слово «врач» выпало из употребления. Но только болезнью могу назвать состояние, в какое вверг меня отчет об экспедиции Аллана и Леонида. «Это нелегко пережить», – сказал Ромеро, вручая мне кристалл с записями событий – начиная со старта в Персее и кончая возвращением кораблей с мертвыми экипажами. Это было больше, чем «нелегко пережить». Этим надо было тяжело переболеть.

Вероятно, я не пошел бы и на прощание, если бы не узнал, что на Землю прилетела Ольга. Она не простила бы мне отсутствия на похоронах ее мужа. К тому же надо было повидать старых друзей: Орлана и Гига, Осиму и Грация, Камагина и Труба – они прибыли вместе с Ольгой на ее «Орионе», чтобы принять участие в торжественном внесении останков в Пантеон. Ромеро предупредил, что от меня ожидают речи, а что я мог сказать, кроме того, что погибшие – отважные космопроходцы и что я их очень любил?

В траурном зале Пантеона Ольга заплакала, припав головой к моему плечу, я с нежностью гладил ее седые волосы. Она дольше всех нас не поддавалась разрушающему действию возраста, но горе сломило ее. Я пробормотал, чтобы что-то сказать:

– Оля, ты взяла бы какой-нибудь другой цвет волос – это же просто.

Она улыбнулась так грустно, что я еле удержался от слез.

– Леониду я нравилась какая есть, а больше мне не для кого прихорашиваться.

Вместе с Ольгой на похороны пришла Ирина, ее дочь. Я не видел Ирину лет пятнадцать, помнил ее взбалмошной, некрасивой девчонкой с внешностью и характером Леонида. Я раньше часто удивлялся, как мало позаимствовала Ирина у матери: ни намек на рассудительность, умение глубоко вникать в загадки и железную решительность, прикрытую доброй вежливостью. А в Пантеоне я увидел женщину – стройную, смуглую, порывистую, с быстрой речью, быстрыми движениями и такими огромными, черными, с почти синим белком глазами, что от них трудно было отвести взгляд. Ирина показалась мне похожей на Леонида еще больше, чем прежде, и сходство это было не только внешним. Сегодня, когда трудно что-либо исправить, я вижу, как грубо ошибся в Ирине. В длинной цепочке причин, породивших нынешние бедствия, и эта моя ошибка сыграла свою роль.

Дружески обняв Ирину, я сказал:

– Я очень любил твоего отца, девочка.

Она отстранилась и сверкнула глазами. Затрепанное выражение «сверкнуть глазами» в данном случае единственно точное. Она сверкнула глазами и ответила с вызовом, которого я не понял:

– Я тоже любила отца. И я уже не девочка!

Мне надо было вдуматься в значение ее слов, вчувствоваться в их тон – многое повернулось бы тогда по-другому. Но подошли Лусин и Труб – было не до взбалмошных женщин. Лусин пожал мне руку, старый ангел мощно сжал меня черными крыльями. Рецепты бессмертия, усердно внедряемые у нас галактами, так же мало помогают моим друзьям, как и мне. Лусин держится молодцом: в его суховатом теле слишком много жил и костей и слишком мало мяса – такие долго не дряхлеют. А Труб выглядит стариком. Никогда не думал, что может быть такая красивая старость, такое, я бы сказал, мощное одряхление. Я с нежностью выговариваю эти противоречащие одно другому слова – «мощное» и «одряхление», я с болью вижу погиб-

шего Труба, каким он появился на траурной церемонии, – огромный, чернокрылый, с густой, совершенно седой шевелюрой, с густыми, совершенно седыми бакенбардами...

– Горе! – с тоской выговорил Лусин. – Такое горе, Эли!

– Кругом были враги! – прорычал Труб. – Аллану и Леониду надо было сражаться! Ты бы воевал, Эли, я уверен! Жаль, меня не было. Я бы кое-что преподал им из опыта сражений на Третьей планете!

К нам подошли Орлан и Граций. Когда они оба появляются на планетах, где живут люди, они ходят только вместе. В этом есть какая-то трогательная наивность: галакт и разрушитель демонстрируют, что жестокая вражда, когда-то разделившая их народы, нынче сменилась горячей дружбой. Я по-старому называл Орлана разрушителем, хотя теперь им присвоено имя «демиурги», означающее что-то вроде механиков или строителей, – в общем, творцов. Словечко «демиург», конечно, точно выражает роль бывших разрушителей в нашем Звездном Союзе, но не думаю, чтобы выставляемая напоказ дружба легко давалась Орлану и Грацию, особенно галакту. Астропсихологи утверждают, что как людям не привить любви к дурным запахам, так и галактов не приучить быть терпимыми к искусственным органам и тканям, а демиурги сменили только наименование, но не структуру тела, где полно искусственных органов и тканей.

– Привет тебе, Эли, мой старый друг и руководитель! – торжественно произнес галакт, по-человечески протягивая руку: мои маленькие пальцы исчезли в его гигантской ладони, как в ящике.

Я пробормотал подходящий ответ. По выпренности выражений галакты даже Ромеро способны дать десять очков форы. Орлан ограничился тем, что приветственно просиял синеватым лицом, высоко приподнял голову и с резким стуком вхлопнул ее в плечи.

В экспедиции Аллана и Леонида принимали участие сто четырнадцать человек, восемь демиургов, три галакта и два ангела. Катастрофа превратила в одно неразделимое месиво существа и механизмы. В траурный зал внесли урну с общим прахом, горсточкой мертвой материи, – бывший духовный и служебный союз членов экипажа превратился в вещественное единение составляющих их атомов. В ту минуту я с горечью думал, что мы все на разных звездах братья по творящей нас материи, но только в смерти ощущаем наше внутреннее единство.

Урну внесли Ромеро и Олег: один как представитель Большого Совета, другой – от астронавтов. Меня тоже просили нести урну, но обряды, где надо показываться перед всеми, не для меня. И я заранее отказался что-либо говорить. Ромеро держал краткую речь, а затем зазвучала музыка. Я должен остановиться на музыке. В странном сочетании причин, определивших наши сегодняшние метания в звездовороте ядра, она тоже сыграла свою роль. Играли симфонию «Памяти друга» Збышека Поляновского. Сотни раз говорил, что люблю лишь индивидуальную музыку, лишь озвученную гармонию собственного настроения. Вероятно, мне просто трудно настраиваться на чужие чувства, в общих для всех мелодиях я ощущаю приказ испытывать то, а не иное, запрет быть самим собой.

Для «Памяти друга» Збышека я делаю единственное исключение. Она всегда по душе. Она моя, всегда моя, а в тот день звучала так горестно, так проникновенно, что сам я стал этой скорбной и мужественной музыкой, я оставался собой и был всеми людьми, всем миром сразу. Вероятно, Збышек Поляновский сознательно вызывал такое настроение. Могу сказать одно: если он имел подобную цель, она ее достиг.

Ромеро и Олег подошли ко мне в тот момент, когда меня переполняла смута, вызванная симфонией. Ромеро сказал:

– Дорогой адмирал! Большой Совет постановил снарядить вторую экспедицию в ядро Галактики и назначил командующим эскадрой звездолетов капитана-звздопроходца Олега Шерстюка, нашего общего друга.

Олег добавил:

– Я согласился принять командование лишь при том условии, Эли, чтобы в экспедиции приняли участие вы!

Мне надо было ответить таким же категорическим отказом, каким я не раз отвечал на предложения командовать звездными походами или принимать в них участие. После освобождения Персея, после гибели Астры на Третьей планете Мери и я возвратились на зеленую прародительницу Землю, чтобы никогда уже не покидать ее. Так мы постановили для себя двадцать лет назад – и ни разу не отступали от своего решения.

Но неожиданно для самого себя я сказал:

– Я согласен. Приходите ко мне вечером. Посовещаемся.

3

Мери захотела идти домой пешком. День был хмурый, по небу бежали тучи. На Кольцевом бульваре ветер кружил листья. Я с наслаждением дышал холодным воздухом: больше всех погод люблю вот такую – сухую, резкую, энергичную, наполненную шумом ветра, сиянием пожелтевших деревьев, осень – лучшая для меня пора. Мери тихо сказала:

– Как она хороша, наша старушка Земля! Увидим ли мы ее – или затеряемся среди звезд?

– Ты можешь остаться на Земле, – осторожно заметил я.

Она с иронией посмотрела на меня.

– Я-то могу. Но сумеешь ли ты без меня?

– Нет, Мери, без тебя не сумею, – честно сказал я. – Быть без тебя – все равно что быть без себя. Или быть вне себя. Я один – только половинка целого. Ощущение не из лучших.

– Мог бы сегодня обойтись и без неостроумных шуток, Эли! – Она нахмурила брови.

Некоторое время мы шли молча. Я с опаской поглядывал на нее. Столько лет мы вместе, но я до сих пор побаиваюсь смены ее настроений. Сердитое выражение ее лица превратилось в отрешенно-мечтательное. Она спросила:

– Угадаешь, о чем я думаю?

– Нет, конечно.

– Я вспоминаю стихи одного древнего поэта.

– Никогда не замечал в тебе любви к поэзии.

– Ты во мне замечаешь только то, что тебе помогает или мешает, все остальное тебе не видно.

– Потусторонностей, или нездешностей, или каких-либо сверхъестественностей я в тебе не открывал, это правда. Какие стихи ты вспомнила?

Она показала на мятущиеся кроны.

*Кружатся нежные листья
И не хотят коснуться праха...
О, неужели это ты,
Все то же наше чувство страха?
Иль над обманом бытия
Творца веленье не звучало?
И нет конца и нет начала
Тебе, тоскующее «я»!*

(Иннокентий Анненский)

Я согласился, что многое в стихах соответствует моменту. Если оставить в стороне несущего творца с его велениями, остальное можно принять: страх гибели действительно присущ всему живому, а желания того конгломерата молекул и полей, который у каждого называется одинаково – «я», на самом деле бесконечны. Лишь насчет тоски можно поспорить. Тоска – чувство нерабочее, для отпуска и отдыха, а что интересного в томительном отдыхе?

– Удивительно, как ты умеешь все упрощать, – сказала она с досадой.

И опять мы шли молча, а потом я поинтересовался, какое у нее мнение насчет причин катастрофы.

– Прямо противоположное тому, на котором настаивает Павел, – ответила она презрительно. – Удивительный вы народ, мужчины. Ищете злой умысел в каждой загадке! В вас так сильна воинственность, что вы готовы допустить, что сама природа непрерывно ведет с вами

боевые действия. Приписывать ей собственные недостатки и просчеты – это легкий путь. Но вряд ли правильный!

– В том, что мы воинственны, виноваты женщины: вы сами рождаете нас такими. Однако ты не противопоставила аргументам Ромеро убедительных опровержений.

– Я вижу лишь непроверенные факты и поверхностные догадки об их причинах. Мне нечего опровергать.

Ее слова произвели на меня большее впечатление, чем я в тот день согласился бы признать.

Вечером наша гостиная была полна. Ольге, Ромеро, Олегу, Орлану, Лусину достались кресла, Труб и Граций с трудом разместились на диванах: ангелу мешали крылья, а трехметровый галакт боялся вставать, чтобы не удариться головой в потолок. Ромеро доложил, что задача второй экспедиции в ядро Галактики – обнаружить неведомых противников и выяснить, можно ли общаться с ними мирно. Это не военный поход, а миротворческая миссия. Все ресурсы Звездного Союза брошены на оснащение экспедиции.

– Теперь спрашивайте и сомневайтесь, адмирал, – закончил Павел.

Сомнений у меня было немало. Рамиров, на поиски которых снарядили первую экспедицию, обнаружить не сумели. Планеты-хищницы, гнавшиеся за звездолетом, названы Алланом живыми существами, но что они реально живые, а не диковинка мертвой природы, не доказано. В районе «пыльных солнц», на окраинах которого погибла экспедиция, по мнению Аллана, существует разумная цивилизация, но ни с одним из ее представителей встретиться не удалось, а значит, существование это остается гипотезой. Попытки прорваться в ядро встретили противодействие, но что из того? Оно могло иметь физические причины, нам пока не известные, ведь никто не будет утверждать, что мы изучили всю Вселенную.

Я обратился к Олегу:

– Ты командующий второй эскадрой. Что думаешь по поводу моих сомнений?

Он ответил сдержанно:

– Есть только один способ их разрешить – снова полететь к ядру и выяснить, что мешает в него проникнуть.

Я залюбовался Олегом. Он и похож, и непохож на своего отца. От матери ему досталась белая кожа, такая гладкая и нежная, что кажется прозрачной. Он вспыхнул, отвечая, румянец как пламя пробежал со щек на лоб, к ушам, к шее. Есть что-то девическое в его облике, в красоте его головы, в длинных золотых кудрях, падающих на плечи, – впрочем, не столь завитых, как некогда носил Андре, – в узких плечах, узкой талии, тонких длинных пальцах. Внешность обманчива, а у этого человека, командующего второй эскадрой, особенно. Среди капитанов дальнего звездоплавания он числится в самых бесстрашных и удачливых. Ольга рекомендовала его в адмиралы давно запланированной экспедиции в Гиады, и, если бы не катастрофа с Алланом, Олег уже мчался бы в скопление этих рушащихся в какую-то бездну звезд. Большой Совет отменил поход в Гиады ради новой экспедиции к ядру.

– Твой ответ меня устраивает, – сказал я. – Теперь расскажите о подготовке к экспедиции.

Ромеро объяснил, что она ведется на известной всем нам Третьей планете в Персее, руководят ею Андре и демиург Эллон. На звездолетах, кроме аннигиляторов Танева, устанавливаются и механизмы, меняющие метрику пространства. Каждый корабль теперь подобен маленькой Третьей планете, создающей в своем окружении любые искривления. Конструкции генераторов метрики разрабатывает группа Эллона.

– Эллон, Эллон... Ты его знаешь, Орлан?

– Эллона предложил я, – с гордостью объявил Орлан. – В Персее нет демиурга, который равнялся бы Эллону в даровании конструктора.

Я заметил, что Граций невесело покачал головой.

– Остается последнее, – продолжал я. – В качестве кого Большой Совет предлагает участвовать в экспедиции мне? Говоря древними терминами, какая у меня должность?

– Вы будете душой и совестью экспедиции, Эли, – сказал Олег.

– Плохо организована та экспедиция, в которой душа и совесть отделены от остальных ее членов.

Я говорил серьезно, но моя отповедь вызвала смех. Ромеро примирительно сказал:

– Раз уж вы применили термины, определяющие так называемую должность, то назовем вашу функцию научным руководством – было некогда и такое понятие, дорогой адмирал.

– Сами вы участвуете в походе, Павел?

– Думаю, Большой Совет разрешит мне отбыть с Земли.

После совещания я подсел к Грацию.

– Когда Орлан расхваливал Эллона, ты вздохнул, Граций. Ты не согласен с оценкой Орлана?

Граций засиял доброжелательной улыбкой. Га-лакты так любят улыбаться, что делают это по любому поводу.

– Нет, Эли, мой друг демиург Орлан совершенно точно охарактеризовал Эллона как инженерного гения. Но видишь ли, Эли... – Он запнулся, но удержал на лице улыбку. – В организме у Эллона степень искусственности много, много выше, чем у остальных демиургов; боюсь, что и мозг его содержит искусственные элементы, хотя Орлан это отрицает.

Я тоже улыбнулся, но по-человечески. Нелюбовь галактов к искусственным органам казалась мне чудачеством. Я пропустил объяснение Грация мимо ушей. Все люди совершают ошибки, я тоже ошибался. И многие мои ошибки, такие невинные на поверхностный взгляд, были роковыми – причем в точном значении этого слова.

4

Мери захотела идти домой пешком. День был хмурый, по небу бежали тучи. На Кольцевом бульваре ветер кружил листья. Я с наслаждением дышал холодным воздухом: больше всех погод люблю вот такую – сухую, резкую, энергичную, наполненную шумом ветра, сиянием пожелтевших деревьев, осень – лучшая для меня пора. Мери тихо сказала:

– Как она хороша, наша старушка Земля! Увидим ли мы ее – или затеряемся среди звезд?

– Ты можешь остаться на Земле, – осторожно заметил я.

Она с иронией посмотрела на меня.

– Я-то могу. Но сумеешь ли ты без меня?

– Нет, Мери, без тебя не сумею, – честно сказал я. – Быть без тебя – все равно что быть без себя. Или быть вне себя. Я один – только половинка целого. Ощущение не из лучших.

– Мог бы сегодня обойтись и без неостроумных шуток, Эли! – Она нахмурила брови.

Некоторое время мы шли молча. Я с опаской поглядывал на нее. Столько лет мы вместе, но я до сих пор побаиваюсь смены ее настроений. Сердитое выражение ее лица превратилось в отрешенно-мечтательное. Она спросила:

– Угадаешь, о чем я думаю?

– Нет, конечно.

– Я вспоминаю стихи одного древнего поэта.

– Никогда не замечал в тебе любви к поэзии.

– Ты во мне замечаешь только то, что тебе помогает или мешает, все остальное тебе не видно.

– Потусторонностей, или нездешностей, или каких-либо сверхъестественностей я в тебе не открывал, это правда. Какие стихи ты вспомнила?

Она показала на мятущиеся кроны.

*Кружатся нежные листья
И не хотят коснуться праха...
О, неужели это ты,
Все то же наше чувство страха?
Иль над обманом бытия
Творца веленье не звучало?
И нет конца и нет начала
Тебе, тоскующее «я»!*

(Иннокентий Анненский)

Я согласился, что многое в стихах соответствует моменту. Если оставить в стороне несущего творца с его велениями, остальное можно принять: страх гибели действительно присущ всему живому, а желания того конгломерата молекул и полей, который у каждого называется одинаково – «я», на самом деле бесконечны. Лишь насчет тоски можно поспорить. Тоска – чувство нерабочее, для отпуска и отдыха, а что интересного в томительном отдыхе?

– Удивительно, как ты умеешь все упрощать, – сказала она с досадой.

И опять мы шли молча, а потом я поинтересовался, какое у нее мнение насчет причин катастрофы.

– Прямо противоположное тому, на котором настаивает Павел, – ответила она презрительно. – Удивительный вы народ, мужчины. Ищете злой умысел в каждой загадке! В вас так сильна воинственность, что вы готовы допустить, что сама природа непрерывно ведет с вами

боевые действия. Приписывать ей собственные недостатки и просчеты – это легкий путь. Но вряд ли правильный!

– В том, что мы воинственны, виноваты женщины: вы сами рождаете нас такими. Однако ты не противопоставила аргументам Ромеро убедительных опровержений.

– Я вижу лишь непроверенные факты и поверхностные догадки об их причинах. Мне нечего опровергать.

Ее слова произвели на меня большее впечатление, чем я в тот день согласился бы признать.

Вечером наша гостиная была полна. Ольге, Ромеро, Олегу, Орлану, Лусину достались кресла, Труб и Граций с трудом разместились на диванах: ангелу мешали крылья, а трехметровый галакт боялся вставать, чтобы не удариться головой в потолок. Ромеро доложил, что задача второй экспедиции в ядро Галактики – обнаружить неведомых противников и выяснить, можно ли общаться с ними мирно. Это не военный поход, а миротворческая миссия. Все ресурсы Звездного Союза брошены на оснащение экспедиции.

– Теперь спрашивайте и сомневайтесь, адмирал, – закончил Павел.

Сомнений у меня было немало. Рамиров, на поиски которых снарядили первую экспедицию, обнаружить не сумели. Планеты-хищницы, гнавшиеся за звездолетом, названы Алланом живыми существами, но что они реально живые, а не диковинка мертвой природы, не доказано. В районе «пыльных солнц», на окраинах которого погибла экспедиция, по мнению Аллана, существует разумная цивилизация, но ни с одним из ее представителей встретиться не удалось, а значит, существование это остается гипотезой. Попытки прорваться в ядро встретили противодействие, но что из того? Оно могло иметь физические причины, нам пока не известные, ведь никто не будет утверждать, что мы изучили всю Вселенную.

Я обратился к Олегу:

– Ты командующий второй эскадрой. Что думаешь по поводу моих сомнений?

Он ответил сдержанно:

– Есть только один способ их разрешить – снова полететь к ядру и выяснить, что мешает в него проникнуть.

Я залюбовался Олегом. Он и похож, и непохож на своего отца. От матери ему досталась белая кожа, такая гладкая и нежная, что кажется прозрачной. Он вспыхнул, отвечая, румянец как пламя пробежал со щек на лоб, к ушам, к шее. Есть что-то девическое в его облике, в красоте его головы, в длинных золотых кудрях, падающих на плечи, – впрочем, не столь завитых, как некогда носил Андре, – в узких плечах, узкой талии, тонких длинных пальцах. Внешность обманчива, а у этого человека, командующего второй эскадрой, особенно. Среди капитанов дальнего звездоплавания он числится в самых бесстрашных и удачливых. Ольга рекомендовала его в адмиралы давно запланированной экспедиции в Гиады, и, если бы не катастрофа с Алланом, Олег уже мчался бы в скопление этих рушащихся в какую-то бездну звезд. Большой Совет отменил поход в Гиады ради новой экспедиции к ядру.

– Твой ответ меня устраивает, – сказал я. – Теперь расскажите о подготовке к экспедиции.

Ромеро объяснил, что она ведется на известной всем нам Третьей планете в Персее, руководят ею Андре и демиург Эллон. На звездолетах, кроме аннигиляторов Танева, устанавливаются и механизмы, меняющие метрику пространства. Каждый корабль теперь подобен маленькой Третьей планете, создающей в своем окружении любые искривления. Конструкции генераторов метрики разрабатывает группа Эллона.

– Эллон, Эллон... Ты его знаешь, Орлан?

– Эллона предложил я, – с гордостью объявил Орлан. – В Персее нет демиурга, который равнялся бы Эллону в даровании конструктора.

Я заметил, что Граций невесело покачал головой.

– Остается последнее, – продолжал я. – В качестве кого Большой Совет предлагает участвовать в экспедиции мне? Говоря древними терминами, какая у меня должность?

– Вы будете душой и совестью экспедиции, Эли, – сказал Олег.

– Плохо организована та экспедиция, в которой душа и совесть отделены от остальных ее членов.

Я говорил серьезно, но моя отповедь вызвала смех. Ромеро примирительно сказал:

– Раз уж вы применили термины, определяющие так называемую должность, то назовем вашу функцию научным руководством – было некогда и такое понятие, дорогой адмирал.

– Сами вы участвуете в походе, Павел?

– Думаю, Большой Совет разрешит мне отбыть с Земли.

После совещания я подсел к Грацию.

– Когда Орлан расхваливал Эллона, ты вздохнул, Граций. Ты не согласен с оценкой Орлана?

Граций засиял доброжелательной улыбкой. Га-лакты так любят улыбаться, что делают это по любому поводу.

– Нет, Эли, мой друг демиург Орлан совершенно точно охарактеризовал Эллона как инженерного гения. Но видишь ли, Эли... – Он запнулся, но удержал на лице улыбку. – В организме у Эллона степень искусственности много, много выше, чем у остальных демиургов; боюсь, что и мозг его содержит искусственные элементы, хотя Орлан это отрицает.

Я тоже улыбнулся, но по-человечески. Нелюбовь галактов к искусственным органам казалась мне чудачеством. Я пропустил объяснение Грация мимо ушей. Все люди совершают ошибки, я тоже ошибался. И многие мои ошибки, такие невинные на поверхностный взгляд, были роковыми – причем в точном значении этого слова.

5

Как страшно изменился Андре! Ольга предупреждала, что я его не узнаю, – я посмеивался. Такого просто не могло быть! И я, конечно, сразу узнал Андре, когда «Орион» повис над причальной площадкой Третьей планеты и мой друг ворвался в корабль. Но я был потрясен. Я оставил Андре измученным, еще не оправившимся от безумия, но живым, даже энергичным человеком средних лет. Сейчас меня обнял старик – суетливый, нервный, беловолосый, морщинистый, преждевременно одряхлевший...

– Да, да, Эли! – со смешком сказал Андре, он понял, какое впечатление произвел. – В непосредственном соседстве с бессмертными галактами мы почему-то стареем особенно быстро. Виной, вероятно, чертова гравитация на этой планетке. Закручивания и раскручивания пространства тоже не способствуют биологической гармонии. Помнишь Бродягу? Тот мощный мозг, который ты почему-то захотел воплотить в огромное тело игривого дракона?

– Надеюсь, он жив?

– Жив, жив! Но за драконицами давно не гоняется. Впрочем, мыслительные способности у него в порядке.

Мы высадились на планету. Я не описываю рейс «Ориона» в Персей. Для последовавших событий это значения не имеет. Не буду описывать и все встречи – они интересны лишь для меня с Мери. Я остановлюсь только на нынешнем впечатлении от Третьей планеты.

Мы летели с Мери в обычной авиетке. Мы помнили страшный облик грозной космической крепости разрушителей: голая свинцовая поверхность с золотыми валунами. Теперь не было ни свинца, ни золота – всюду синели леса, поблескивали озера.

– Я хочу опуститься здесь. – Мери показала на стоявший отдельно холмик, вершина его была свободна от напивавших снизу кустов.

Мы вышли и впервые почувствовали, что на самом деле находимся на Третьей планете. Гравитационные экраны авиетки предохраняли от страшного притяжения, в районе Станции оно вообще не превосходило земное, а здесь нас буквально прижало к грунту. Я не мог выпрямиться, в голове шумело, я сделал шаг, другой – и пошатнулся.

– Сейчас я не сумел бы дойти Станции, – сказал я, пытаюсь усмехнуться.

– Ты узнаешь это место, Эли?

– Нет.

– У подножья этого холма умер наш сын...

Моя память прояснилась. Я с опаской поглядел на Мери. Она улыбнулась. Меня поразила ее улыбка – столько в ней было спокойной радости. Я осторожно сказал:

– Да, то место... Но не лучше ли нам уйти отсюда?

Она обвела рукой окрестности.

– Я так часто видела во сне этот золотой холм и мертвую пустыню вокруг! И всегда вспоминала, как Астр хотел, чтобы металлические ландшафты забурлили жизнью. Помнишь, он назвал себя жизнотворцем... На никелевой планете это было легко: там невысокая гравитация. Но и здесь удалось привить металлу жизнь. На Третьей посадили растения, выведенные для мест с повышенным тяготением.

– Созданием которых вы занимались в институте астроботаники?

– Которыми занималась я одна, Эли! Это мой памятник нашему сыну. Теперь возвратимся на Станцию.

Два других события, которые я упомяну, непосредственно связаны с экспедицией. Среди встречавших не было Бродяги. Лусин, чуть ступив на грунт, побежал к дракону. В какой-то степени Лусин – создатель этого диковинного существа и гордится им больше, чем другими своими творениями. Бродяга хворал. Лусин с горечью сообщил, что дракон излишне челове-

чен, хотя и помещен в нечеловеческую оболочку: не только бессмертия, но и солидного долголетия ему, как и людям, привить не удастся.

– Хочет видеть. Очень. Тебя, – высказался в своей обычной – ключьями предложений – манере Лусин, и на следующее утро мы направились к дракону.

Внешне Бродяга почти не изменился. Летающие драконы не худеют, не толстеют, не выцветают, не седеют и не рыхлеют. Бродяга был таким же, каким я видел его при расставании: оранжево-сизый, с мощными лапами, с огромными крыльями. Но он уже не летал. Завидев нас, он выполз из своей норы и заскользил навстречу. Волноподобные складки с прежней быстротой перемещались по спине и бокам, массивное туловище извивалось с прежним изяществом, длинный, бронированный прочной чешуей хвост приветственно взметнулся, крылья с грохотом рассекали воздух. Но все эти – такие знакомые – движения уже не могли поднять Бродягу над грунтом. И огня от него исходило поменьше: багровое пламя было пониже, а синий дым – поуже. Я не иронизирую, я говорю это с грустью.

– Привет пришедшему! – услышал я так давно не слышанный хриловатый, шепелявый голос. – Рад видеть тебя, адмирал! Садись мне на спину, Эли.

Я присел на лапу и ударил ногой по бронированному боку.

– Ты еще крепок, Бродяга! Хотя, наверно, молодых драконов не обгонишь.

– Отлетался, отбегался, отволочился – все определения моего бытия начинаются на «от», – безжалостно установил он и вывернул ко мне чудовищную шею, выпуклые зелено-желтые глаза глядели умно и печально. – Не жалею, Эли. Я пожил всласть. Все радости, какие могло доставить существование в живом теле, я испытал. Будь уверен, я не потеряю спокойствия, когда буду умирать.

Продолжать разговор в таком унылом ключе я не хотел. Я весело запрыгал на твердой лапе дракона.

– На Земле разработаны новые методы стимулирования организма. Мы испробуем их на тебе, и ты еще покатаешь меня над планетой.

Он иронически усмехнулся. Он все-таки единственный из драконов, кто умеет придавать осмысленность гримасам, – остальные просто разевают пасти, выпыхивая дым, и не поймешь, то ли они зевают, то ли собираются тебя проглотить. Я чувствовал себя виноватым перед Бродягой. В прежнем своем воплощении, в образе правящего мозга-мечтателя, он мог бы десятикратно пережить нас всех. Я наделил его телом, но радости телесного бытия кратковременны. Хоть и поздно, но я с пристрастием допрашивал себя, правильно ли я поступил.

А вторым важным событием была встреча с Эллоном.

Мы пошли в мастерскую Эллона вшестером – Мери, Ольга, Ирина, Орлан, Андре и я.

В огромном, солнечно светлом зале нас встретил Эллон.

Я должен описать его. Он стоит передо мной. Я подхожу к нему, всматриваюсь в него. Я стараюсь понять, чем порождено то впечатление, какое он неизменно производил. Я допрашиваю себя, не изменится ли оно от пристального разглядывания, от долгого изучения. Ничто не меняется. Все правильно. Ошибок нет. Если и встретилось мне в жизни существо, в полном смысле слова необыкновенное, то имя ему – Эллон!

Он не подошел к нам – только повернул голову на высокой, по-змеиному крутящейся шее. Орлан в знак приветствия поднимает голову и вхлопывает ее в плечи, Эллон не удостоил нас приветствием. Он просто не знал, что такой обряд существует, он не обучен таким поступкам. Он молча рассматривал нас. Нет, не рассматривал – пронзал, ослеплял, уничтожал фосфорически пылающими глазами, такие выпренные сравнения в данном случае уместней.

А Орлан робел. Я видел его в сражениях, в дипломатических переговорах, на совещаниях – неизменно спокойного, решительного и бесстрашного. Я был уверен, что хорошо его знаю. Он не поднял, а вжал голову в плечи, он говорил – для нас – на отличном человеческом языке, но голос звучал робко, почти заискивающе.

– Эллон, люди пришли познакомиться с твоими свершениями, – сказал Орлан этим странным голосом. – Надеюсь, тебя не обременит наше посещение?

– Смотрите и восхищайтесь! – на таком же отличном человеческом языке ответил Эллон и широким жестом длинной, гибкой, бескостной руки обвел помещение. Он широко осклабился, синеватое лицо порозовело – вероятно, от удовольствия.

Но смотреть было нечего. Кругом были механизмы, и около них сновали демиурги. Вся Третья планета – скопление механизмов, по виду не определишь, чем эти, в зале, отличались от тех, что образовывали тысячекилометровые толщи планетных недр. Орлан сказал просительно:

– Будет лучше, если ты дашь пояснения, Эллон.

Эллон касался рукой механизмов, объясняя их назначение. Он двигался вперед, а голова была повернута назад, на нас: все демиурги могут свободно выкручивать голову, но так далеко, на полных сто восемьдесят градусов, выворачивать ее был способен лишь Эллон. И я, не вслушиваясь в объяснения, смотрел на его лицо, старался разобраться не в смысле речи, а в звуке голоса, мне это почему-то казалось важнее, чем вникать в конструкции, все равно я мало что в них понимал – я плохой инженер.

И чем настойчивей я всматривался в Эллона, тем прочнее утверждалось во мне впечатление необычности. Эллон смеялся. Он широко раскрывал рот в беззвучном хохоте. Объяснение было серьезное, высококвалифицированное, а гримаса издевательская. Огромный жабий рот пересекал все лицо от уха до уха, он был раза в два больше, чем у других демиургов: пугающе подвижная, извивающаяся, кривящаяся впадина перехлестывала лицо, а над темной, живой, меняющейся, я бы даже сказал – струящейся от уха к уху безгубой расщелиной грозно светили огромные, сине-фиолетовые, пронзительно-неподвижные глаза. Я не робкого десятка и не слабохарактерный, но и меня почти загнипнотизировало сочетание дьявольски меняющихся саркастических гримас и злобещих глаз.

Закончив обход зала, Эллон сказал (из всего объяснения я запомнил лишь эти слова):

– Ни люди, ни демиурги, ни – тем более – галакты еще никогда не имели столь совершенно вооруженных кораблей. Если бы хоть один из нынешних звездолетов был у нас, когда человеческие эскадры вторглись в Персей, события развернулись бы иначе.

Я сухо поинтересовался:

– Тебя огорчает, Эллон, что события не пошли по-другому?

Он с полминуты молчаливо хохотал.

– Не огорчает и не восхищает. Просто я устанавливаю факт.

Ольга стала о чем-то спрашивать Эллона, ее перебивала Ирина – в ней причудливо соединяется порывистая эмоциональность отца с инженерной дотошностью матери. Я отвел Андре в сторону.

– Созданные демиургами механизмы великолепны, я в этом уверен. Но кто ими командует?..

Он нетерпеливо прервал меня. Вероятно, только это одно сохранилось в нем от старого Андре: он по-прежнему ловит мысль на полуслове и все так же не церемонится с собеседниками.

– Можешь не волноваться! Эллон только конструирует механизмы, командуя ими я. Пусковые поля замыкаются на мое индивидуальное излучение. А когда эскадра выйдет в поход, я передам управление ими Олегу и капитанам кораблей.

Мы поднялись на поверхность. Ирина восторженно объявила:

– Какой он удивительный, демиург Эллон! Нисколько не похож на других! – Она понизила голос, чтобы Орлан не услышал. – Они все кажутся мне уродами – Эллон один красавец! И какое совершенство инженерных конструкций. Эли, вы разрешите мне работать на корабле в группе Эллона?

– Работай где захочешь, – ответил я. Если говорить о моем личном впечатлении, то Эллон показался мне куда безобразней других демиургов.

В гостинице Мери сказала:

– Я не имею права вмешиваться в распоряжения научного руководителя экспедиции, но обсуждать действия мужа могу. Я недовольна тобой, Эли.

– Я плохо одет, Мери? Или совершил очередную бестактность? Или обидел кого-нибудь?

– Меня пугает Эллон, – сказала она со вздохом. – Он настолько страшен, что даже красив в своем уродстве, тут я могу согласиться с Ириной. Но каждый день встречать его на корабле!.. И как Ирина смотрела на него... Если бы она так смотрела на мужчину, я сказала бы, что она влюбилась.

– Пусть влюбляется. Сам я, если помнишь, некогда тоже влюбился в Фиолу— нечеловеческое существо. Чувства эти безвредны, ибо бесперспективны. Не взять Эллона с собой мы не можем: он ведь объявлен инженерным гением. Боюсь, в тебе говорит человеческий шовинизм, недопустимый в эпоху звездного братства. Я убедил тебя такой железной формулой?

– Ты убедил меня тем, что безнадежно пожал плечами, – сказала она, грустно улыбаясь. – Не обращай внимания на мои настроения. Они вызваны не умными рассуждениями, а темными предчувствиями...

Я часто потом вспоминал этот разговор с Мери на грозной Третьей планете Персея.

6

Нет, я не создаю для потомков отчета о нашей экспедиции! Я уже говорил, что не уверен, попадут ли мои записи на Землю. Я пытаюсь разобраться в смысле событий. Я допрашиваю себя, правильно ли я поступал. Я все снова и снова подхожу к мертвому телу предателя, недвижно повисшему в силовом поле, – ему уже никогда не изменить однажды принятой позы, – и все снова и снова говорю себе: «Эли, тут что-то не так, ты должен во всем этом разобраться, ты должен разобраться, Эли!» Но я не могу разобраться, я слишком рассудочен. Это парадоксально, что поделаешь, одна из новых истин, столь непросто и столь не сразу нами воспринятых, звучит именно так: чем логичней рассуждение, тем оно дальше от истины. Мир, в котором мы странствуем сегодня, подчинен законам физики, но нашей логики не признает...

Я не буду описывать подготовку и отправку экспедиции. На Земле о нашем старте знают все: как мы ограничили эскадру пятнадцатью звездолетами (одиннадцать, лишённые команд гигантские летящие склады, управлялись автоматами, четыре – «Козерог», «Овен», «Змеенец» и «Телец» – имели экипажи и командиров: Осиму, Ольгу, Камагина и Петри); и как я решил принять Бродягу на борт флагманского корабля «Козерог», хотя Олег колебался, стоит ли брать в дальний рейс дряхлеющего дракона; и как на «Козероге» мы разместили инженерную лабораторию Эллона; и как эскадра устремила в созвездие Стрельца, в сгущение темных облаков, прикрывающих от нашего взгляда ядро Галактики; и как три года мы мчались к Галактическому ядру, тысячекратно обгоняя свет и поддерживая через Третью планету Персея (на ней по-прежнему правил Андре) связь с Землей на волнах пространства; и как на четвертом году сверхсветовая связь оборвалась и для Персея и Земли мы выпали в небытие.

С этого момента я и начну рассказ о нашем путешествии в Галактическом ядре.

Генераторы волн пространства отказали вдруг и полностью: мы больше не принимали депеш с Третьей планеты, не отправляли своих сообщений. Механизмы были в порядке – изменилось пространство. Импульсы генераторов не пробивались наружу, мы не принимали сигналов извне. Мы внезапно словно онемели и потеряли слух. Но зрения не потеряли. Приборы издали зафиксировали появление планеты-хищницы, точно такой, какая напала на эскадру Аллана. Разница была лишь в том, что Аллан к моменту ее нападения поддерживал связь с базой, а мы такой возможности лишились. И мы с сомнением относились к депеше Аллана, что их преследует не гигантский корабль, так же превосходящий размерами наши звездолеты, как гора превосходит мышь, а загадочное космическое существо, отнюдь не скрывающее намерения настичь и проглотить эскадру. Представление о диковинном звездолете все-таки больше соответствовало всему, что мы знали о мире.

Но был ли это звездолет или космическое существо, нас всех пронизало беспокойство, когда анализаторы обнаружили в отдалении загадочную планету и бесстрастно доложили, что она устремила за нами. Мы шли тогда по краю темных облаков, прикрывающих ядро. Слово «край» относительно – на миллиарды километров вокруг простиралась туманность, холодная, безмерно унылая, звезды тускло просвечивали сквозь багровую полутьму. Мери сказала со вздохом: «Крепко же накурили в этом уголке Вселенной!» Хищная планета возникла оранжевым пятнышком в тумане и стала быстро увеличиваться. Мы шли в сверхсветовой области – она мчалась в Эйнштейновом пространстве. За нами тянулся шлейф превращенной в пыль пустоты – за планетой пространство было чистым. Мы уничтожали простор – планета неслась в нем со сверхсветовой скоростью, с такой чудовищной скоростью, что нагоняла нас. Законы физики летели в пропасть – так нам казалось. Лишь сейчас мы начинаем понимать, насколько убоги наши знания о законах природы.

Итак, планета догоняла нас. Она была огромна, как Земля, она была больше Земли. Тысячи наших звездолетов могли разместиться на ее поверхности, десятки тысяч – прова-

литься в ее недра. Траектория ее полета прихотливо менялась, выдавая одну бесспорную цель – догнать эскадру. Как и Аллан, мы могли говорить о свободной воле, командовавшей полетом хищницы. Но мы по-прежнему считали, что нас настигает корабль, а разумные существа притаились внутри, у пультов неведомых нам грозных механизмов. На наши призывы они не откликались. Не надо было обладать сверхтонким интеллектом, чтобы расшифровать наши сигналы – это была задача для школьника, а не для космического инженера. Но планета молчала – молчала и нагоняла нас, непостижимо нагоняла, со сверхсветовой скоростью в обычном световом пространстве. Олег вызвал звездолеты.

– Аллан спасся тем, что аннигилировал активное вещество, – сказал он. – Преследователь не сумел преодолеть преграду новосотворенной пустоты. Но, потеряв три четверти запасов, эскадра Аллана впоследствии не справилась с другими трудностями. Должны ли мы повторить защиту Аллана?

Все единодушно высказались против. Мы были вооружены сильнее эскадры Аллана. Мы могли подпустить планету ближе, чем рискнул Аллан. И надо было установить, нападение ли это или какая-то новая форма контакта.

Если когда-нибудь наши стереофильмы попадут на Землю, люди увидят, как мы отделили от эскадры один из грузовых звездолетов, предварительно освобожденный от грузов. Планета набросилась на звездолет, как лисица на куропатку. На пленках запечатлен взрыв, густое облачко сперва сияющей, потом быстро темнеющей пыли. И планета, каким-то челноком снующая из края в край облачка и жадно, всей поверхностью поглощающая пыль. Прах уничтоженного корабля всасывался внутрь. Пространство высветлялось, гигантский пылесос мощно трудился, расправляясь с останками звездолета.

– Отвратительный жадный рот, несущийся в пустоте! – с негодованием воскликнула Мери.

Мы сидели в обсервационном зале, наблюдая за гибелью подброшенного хищнику корабля.

– Скорее, ассенизатор космоса, дорогая Мери, – отозвался Ромеро и добавил со вздохом: – Плохо лишь то, что этот космический дворник почему-то склонен рассматривать нас в качестве мусора.

Справедливость замечания Ромеро мы оценили лишь впоследствии, когда стало ясно, что планета не просто мчалась в туманности, куда вторглась наша эскадра, она попутно поглощала и окружающий газ, и пыль, расправляясь таким образом с самой туманностью. В те часы нам было не до функций космического ассенизатора. Меня и Ромеро вызвал Олег. В командирскую рубку пригласили и Орлана с Грацием. Олег позвал и Эллона, но тот отговорился занятостью. Демиурги, в отличие от галактов, недолюбливают советы и заседания.

Олега интересовало одно: бежать или отразить нападение?

– Бежать, бежать! – поспешно сказал Граций.

Я всегда замечал, что, если есть хоть малейшая возможность избежать боя, галакты ее используют. Они куда больше дорожат своим бессмертием, чем мы своим бранным существованием. В данном случае, впрочем, мы все согласились с Грацием.

Зато способ бегства вызвал споры. Я не считал, что нужно так уж категорически отказываться от использования активного вещества. У нас его много больше, чем у Аллана, а способ этот весьма действен, как доказал тот же Аллан, именно так удравший от хищницы. Со мной, однако, не согласились. И сейчас, зная многое, чего не знали тогда, я могу лишь поразоваться, что остался в меньшинстве. Граций предложил воспользоваться приемом вмещения больших предметов в малые объемы, который так распространен на планетах галактов. Орлан запротестовал. Сокращение масштабов – операция медленная, люди плохо переносят иномасштабность, демиургам же, с их повышенной искусственностью, изменять размеры тел просто опасно. К тому же нет гарантии, что хищница не погонится за опадающим в объеме кораблем.

С пылью и газом она расправляется идеально. Может так случиться, что мы просто поможем ей нас проглотить.

– Только гравитационная улитка! Мы оснастили звездолеты механизмами, меняющими околокорабельную метрику. Нырнув в крутую неевклидовость, мы оставим космического разбойника по ту сторону искривленного пространства. Твое мнение, Эллон? – спросил он, не дожидаясь нашего решения.

Засветившийся на экране Эллон подтвердил, что нет ничего проще, чем запустить хищника в гравитационный туннель.

– Планета полетит наружу, как шар под гору! И если сохранит свои поглосчала невредимыми, то ей дьявольски повезет! – Он распахнул рот в таком приступе молчаливого хохота, что не мне одному показалось, будто его нижняя челюсть вот-вот отвалится. В отличие от галакта, Эллона радовала перспектива схваток, воинственность была так же присуща ему, как инженерная одаренность.

Я спустился в лабораторию. У командных приборов прохаживался, подпрыгивая, как все демиурги, Эллон. У пульта, оснащенного клавишами, как древние рояли, дежурила Ирина. Возле противоположной стены распластался Бродяга, захвативший чуть не три четверти площади. Завидев меня, он дружески выбросил из ноздрей два фонтана дыма и приветливо перебросил на зубцах короны несколько молний. Они были теперь не так многоветвисты и красочны, как в годы его драконьей молодости. Я встал за спиной Ирины.

– Включай первое искривление, – приказал Эллон, и Ирина забарабанила пальцами по клавишам.

К этому времени все четырнадцать звездолетов сконцентрировались в такой близости от «Козерога», что теснота показалась мне опасной. Я ничего не могу с собой поделывать: сближение кораблей на дистанцию визуальной видимости всегда пугает меня. Но без концентрации флота его не обнести неевклидовым забором. Первое искривление, включенное Ириной, как раз и создавало такую ограду. А затем Эллон предложил полюбоваться, как глупая планета или существа, обитающие в ней, расшибают лоб о стену. Не знаю, есть ли у планеты лоб, но налетела она на искривление неистово – и так же неистово отлетела. Это повторилось несколько раз – удар и отлет, снова удар и снова отлет. Змеящийся рот Эллона сводила судорога восторга, грозные глаза сверкали. Он не мог отвернуть фосфоресцирующего лица от пейзажа на экране – тусклых звезд в дымке туманности и пронзительно сияющей, пронзительно несущейся на нас, все снова отбрасываемой назад планеты.

– Включай выводной тоннель! – приказал Эллон, и Ирина снова забарабанила по клавишам.

Теперь мы могли убедиться в мощности генераторов метрики. Планету вышвырнуло в какую-то бездну – не пассивным скольжением по инерции в искривленном пространстве, с каким мы когда-то так остервенело боролись при первом нашем появлении в Персее, а мощным толчком наружу. Я обратился к Эллону – он не ответил, он сгубался в беззвучном ликующем хохоте. Я повернулся к дракону.

– Здесь не простое изменение метрики! Ты знаешь об этом, Бродяга?

Дракон восторженно бил хвостом, сыпал тусклыми молниями.

– Конечно, Эли! Проблема пинка в зад – так это можно назвать на человеческом языке. Еще когда я был Главным Мозгом, мне всегда хотелось наддать дополнительного импульса выбрасываемым звездолетам. Эллон осуществил мою давнюю мечту. Действенно, правда?

Я согласился: да, очень действенно. Дракон выпустил на меня густой столб багровой гари, я отшатнулся. В закрытом помещении можно было радоваться и не так дымно. Я подошел к Ирине.

– Эли, Эли! – сказала она голосом, какого я у нее никогда не слышал. – Какой он человек! Какой он удивительный человек!

Я бы мог возразить, что удивительность Эллона как раз в том, что он не человек, но промолчал. Уходя, я посмотрел на них троих. С того дня прошло много времени, я только не знаю, сколько, – может быть, один год, может быть, миллионы лет, любое время могло промчаться в нашей сегодняшней иновременности. Но эту картину вижу с такой отчетливостью, словно впервые рассматриваю. На полу, захватив добрую треть помещения, извивается и ликующе дымит дракон, у экранов приплясывает и исходит молчаливым хохотом фосфоресцирующий синим лицом Эллон, а Ирина, прижав руку к сердцу, восторженно, молчаливо глядит на него, только молчаливо, упоенно глядит...

7

Вот так и совершилось наше вторжение в темные облака, прикрывающие ядро. Сперва отказали генераторы волн пространства – и мы лишились связи с базой, а затем на нас напал космический ассенизатор – и Эллон спровадил его в тартарары. Хищная планета бесследно исчезла из нашего района космоса, ее вообще не стало в нашем мире – так показывали анализаторы. Сейчас мне кажется, что она просто выпала из нашего времени, что она в иных веках, иных тысяче- или миллионолетиях – мы уже не одновременны в этом мире. Я сказал – «просто выпала из нашего времени». У меня пухнет голова от такой простоты. Она непостижима. Убийственная простота – вот самое точное определение для нашего нового понимания тех событий.

А на экранах день за днем разворачивалась одна и та же мрачная картина: туман и дым, и в дыму – привидениями – редкие звезды. Звездного окружения не существовало, дальние светила не пробивались сквозь мрак, лишь те, к которым мы приближались, смутно проступали в тумане и так же смутно гасли, когда мы от них отдалялись. Это были странные звезды – подмигивающие, пыхтящие, как бы вздыхающие вспышками тусклого сияния. Так преображал их дым туманности – нечеткие огоньки в исполинском пыльном погребке космоса!

Неделю за неделей, месяц за месяцем мы мчались в пыльном мраке, огибая встречные звезды. И лишь когда у одного светила – мы назвали его Красным – анализаторы обнаружили одинокую планету с условиями, благоприятными для жизни, эскадра вынырнула в Эйнштейново пространство. До сих пор все встречные звезды были беспланетны. Промчаться мимо первой обнаруженной планеты мы не могли.

Звезда только издали казалась красной. По мере того как мы приближались, она голубела. Вблизи это было хорошее светило, молодое, энергичное, животворящее, вращаться вокруг такого солнца было приятно. И наши анализаторы показали, что жизнь на планете есть. Но ни на один из сигналов никто не откликнулся. Звездолеты повисли над ней, как луны, их нельзя было не увидеть даже подслеповатым глазом, но и подслеповатого глаза, видимо, не имелось.

Олег приказал главной поисковой группе высаживаться. На каждом звездолете имеются такие, главную возглавлял я. В поисковиках числились Труб и Гиг – летающие разведчики и воины, Ромеро – историк и знаток инозвездных цивилизаций, Мери – астроботаник, Лусин – астрозоолог, Ирина с ее приборами, а также Орлан и Граций. Я сделал одно отклонение от штатных назначений: включил в нашу группу Бродягу. Олег удивился: неповоротливый старый дракон снизит мобильность поиска! Да и скафандра на такую махину не подобрать. Я, однако, не думал, что Бродяга нам помешает, а что до скафандра, то драконы, как и демиурги, отлично дышат разреженным воздухом, куда лучше нас переносят жару и холод. И Бродяге надо порезвиться на свободе. Звездолеты огромны для людей, демиургов и галактов, но конструкторы кораблей и не помышляли, что в корабельные списки будет внесено такое существо, как гигантский летающий ящер.

Олег вежливо слушал, вежливо улыбался, потряхивал золотыми кудрями. Этот человек, так похожий на красивую девушку, непроницаем. Команды он отдает дельные, им без спору подчиняются и спокойный Петри, и резкий Осима, и вспыльчивый Камагин, и рассудительная Ольга, тем более – все остальные. Слушает внимательно, но реплики подает больше улыбками, а когда приходится отвечать, отвечает решениями, а не соображениями. Так было и в этот раз.

– Тебе виднее, Эли, – сказал он.

Мы высадились на планете.

Она не удивила нас, когда мы рассматривали ее издали. В галактических пространствах мы видели миры и понеобычней. Стандартный космический шарик: размер – с Марс, атмосфера – сходная с земной, горы, моря, облака, вероятно – и зелень, и животные; может быть – и

разумные существа. Каждый из поисковиков брал переносный дешифратор, а Ирина захватила еще и специальные приборы. Трубу и Гигу тоже предложили дешифраторы, но из механизмов brave друзья признавали лишь разрядники и гранаты.

Планета была обычной лишь издали. Удивительный мир разбегался под нами вширь, когда планетолет опускался на вершину холма, торчащего посреди равнины. Такого мира мы еще не знали.

Он был окрашен только в два цвета – черный и красный. На красной земле текли красные реки, раскидывались некрупные красные озера, с красных скал низвергались красные водопады. А на фоне назойливой вакханалии красного чернели леса и поля – черные деревья, черные кусты, черные травы. И над черными лесами летали черные птицы, в зарослях черного кустарника мелькали черные звери, в красной воде плыли черные рыбы. И облака над нами были черные с огненно-красными краями, они то сгущались – и все красное у них пропадало в черном, то редели – и черное становилось красным.

– Преддверие ада таких же цветов, ты не находишь, Эли? – пробормотал Труб и озадаченно распушил когтями бакенбарды.

– Что могут ангелы знать об аде?

– Узнаем, – пообещал он и взмыл вверх.

– Мне кажется, все неживое здесь красного цвета, а живое предпочитает черный, – заметила Мери.

Граций величественно кивнул: он пришел к такому же мнению. Мнение это было тут же опровергнуто Трубом. Ангел погнался за птицей, похожей на земного гуся, только крупнее. Черный гусь не сумел удрать от ангела. Тогда птица сложила крылья и стала падать. Она падала, на глазах превращаясь из черной в пламенно-красную. Труб приземлился и позвал нас. Птицы не было. На земле лежал небольшой валун, мертвый, холодный и такой же красный, как и все вокруг.

– Это она, она! Она превратилась в камень! Она притворяется камнем! – твердил Труб и раздраженно толкал красную глыбу то ногой, то крылом, но никак не мог сдвинуть ее: казалось, что валунок лежал на том месте тысячелетия – так он врос в грунт.

Мери с отвращением сказала:

– Здесь даже звуки черные!

Здесь и вправду все звучало глухо и невыразительно. Я бы добавил, что черными были и запахи: и красная земля, и красная вода, и черные растения пахли одинаково – и звучали тоже неотличимо. Я ударил ногой красный камень, который Труб считал преображенной птицей, Ромеро деловито постучал своей металлической тростью о металлический дешифратор: мы не услышали ни металла, ни камня, не было постукивания, не было удара – один плотный ком ваты как бы столкнулся с другим.

Трубу захотелось полетать над лесом – там он углядел новых птиц и резво помчался за ними, но и птиц больше не было, и лес стал исчезать, когда Труб подлетел к нему. Лес опадал, прикипал к земле, превращался в землю, менял черный цвет на красный. И больше не было леса – была одна красная, голая, безжизненная земля.

– Гиг, – сказал я предводителю невидимок. – Разведка не удастся твоему другу. Не можешь ли ты помочь ангелу?

– Сейчас надену мундир, начальник! – воскликнул brave Гиг и понесся вслед за Трубом. Исчезал он уже на лету.

Труб обиженно парил над исчезнувшим лесом – ангела мы видели хорошо, а Гиг, естественно, был невидим. Но траекторию его невидимого полета прочерчивала линия, вдоль которой опадал лес и черный цвет превращался в красный.

– Экранирование невидимок здесь не действует, – сказал удивленный Орлан. – А мы были уверены, что их невидимость совершенна!

Ирина подтвердила, что оптическая невидимость Гига недостаточна. Неизвестно, следит ли за нами кто-то, но если следит, то экранированный Гиг виден ему так же отчетливо, как и Труб.

– Нас терпят на расстоянии до двухсот метров. От двухсот метров до ста все поспешно омертвляется. Чем быстрее мы приближаемся, тем быстрее омертвление. Граница в сто метров непреодолима. За ней лишь красная окаменевшая земля.

Объяснение Ирины ничего не объяснило – оно само было загадкой. В эту минуту Гиг кинулся в реку. Воинственный скелет пришел в ярость при виде убегающего мира. Он усмотрел мирно текущую в красных берегах красную речку и набросился на нее. Река рванулась в сторону, в считанные секунды изменила русло и понеслась по камням. По пути ей повстречался обрыв, и река упала с него стремительным водопадом. Это было живое существо, быстрое, ловкое, безмерно напуганное, – такое впечатление создалось у всех. А когда невидимка все-таки настиг ее, река мгновенно иссякла. Было прежнее русло, были следы метания живой воды по земле, но реки не было. Она не ушла, не просочилась в землю, даже не пропала, как привидение. Она окаменела.

Гиг сбросил экран и опустился около нас.

– Начальник, я возмущен! – Он сконфуженно затрещал костями. – Я еще не встречал таких трусов, как здешние деревья. А что за фокусы проделывают местные реки? Ты мог бы мне объяснить, Орлан, почему шальная речка удрала от меня?

Орлан мог объяснить столько же, сколько и я, а я ничего не понимал. Труб по-прежнему кружил над омертвевшим лесом, Гиг присоединился к нему, на этот раз без экранирования. Возмущение невидимки скоро превратилось в восхищение. Ему стало нравиться, что все, к чему он приближается, каменеет. Летающий скелет все расширял круги полета, пока не скрылся за горизонтом. Ангел последовал за невидимкой. Я подошел к Бродяге.

Дракон попытался совершить небольшой круг в воздухе, но, тяжело поднявшись метров на десять, снова опустился на пригорочек. Здесь он обессиленно распластался, выдыхая густой дым, устало посверкивал тусклыми молниями. Я начал сожалеть, что разрешил ему принять участие в экспедиции. Настроение это переменялось, когда я взглянул в выпуклые, оранжево-зеленые, насмешливые глаза дракона. У Бродяги был чертовски умный взгляд.

– Забавная планетка. Тебе не кажется, что здесь много загадок, Бродяга?

– Только одна, – ответил он.

– Одна? Я назову сразу три: живые реки и деревья, страх перед нами, мгновенное превращение в камни. Я уже не говорю о том, что камнями становятся даже птицы.

– Только одна, – повторил он. – У меня ощущение, будто я встретился с самим собой – с прежним собой... Я угадываю присутствие мыслящего мозга, но не могу установить с ним связи...

На крыле дракона сидел Лусин. Я обратился к нему:

– А ты что скажешь о планете?

– Странная, – ответил он, подумав. И, еще подумав, добавил убежденно: – Очень странная!

8

Времени на размышление не было: Труб нуждался в указаниях, Гиг жаждал приказов, все требовали разъяснений. Я сердито сказал Ирине:

– Немного стоят приборы, не способные установить простой факт: что на этой планете живое, а что мертвое.

Она вызывающе прищурилась. Она вообще не смотрела, а метала взгляды. Когда ее упрекали, она не оправдывалась – только раздражалась. Ольга не сумела воспитать свою дочь в послушании.

– Ошибаются не мои приборы – ошибочно ваше представление о том, что просто, а что сложно на этой планете! Разрешите мне слетать на «Козерог», я возьму другую модель скафандра, обеспечивающую лучшее экранирование.

– Для невидимок или для нас?

– Для каждого, кто захочет стать невидимым.

– Я сам возвращусь на «Козерог» посоветоваться с начальником экспедиции. Вы пока оставайтесь здесь.

Павел с опаской взглянул на меня и покачал головой. Я удивился:

– Вы недовольны?

– Может быть, лучше нам всем возвратиться, дорогой адмирал? Откровенно говоря, я не хотел бы проводить ночь на этой планете.

– Не понимаю, что вас беспокоит.

Он выразительно пожал плечами.

– В каждом из нас сидит ветхий Адам, любезный адмирал. Мы способны зажигать звезды, скручивать пространство, чего, если верить древним, даже боги не умели. Но чуть мы остаемся один на один с природой, в нас возрождаются старинные страхи – мы тогда не больше, чем крохотная частица мира, не властелины, а игрушки стихий.

Меня не убедили соображения о «ветхом Адаме». Планета была диковинной, но звездолетам встречались небесные тела и пострашней. И если я согласился на общее возвращение на звездолет (а это, как доказали последовавшие события, было самым разумным), то не из сочувствия к ночным страхам Ромеро – просто мне показалось неинтересным вникать в странности этого маленького мирка. У нас были задачи и поважней. Именно так я и доложил Олегу.

Олег выслушал меня с обычной бесстрастно-учливой улыбкой. Он мог бы и не расспрашивать: все, что мы делали на планете, транслировалось на звездолеты. И вряд ли следовало вооружаться такой отстраняющей улыбкой. Я намеренно говорю: отстраняющей. Улыбка подобна руке – ударяет, если зла, дружески пожимает, если добра, тянет к себе, если радостна. У Олега она заставляет сидеть на своем месте, подчеркивает дистанцию. На «Овне», «Тельце» и «Змееносце», которыми командуют Ольга, Петри и Камагин, отношения между капитанами и экипажем сердечней. Я решил сказать это Олегу при удобном случае. Случай представился немедленно. Я посоветовал созвать совещание капитанов звездолетов и решить сообща, продолжать ли исследование первой обнаруженной нами планеты.

– Но ведь ты считаешь, что делать этого не нужно, Эли.

– Мало ли что я считаю! Я могу и ошибаться. Инструментальная разведка в ведении группы Эллона. Вдруг он предложит что-нибудь поинтересней скафандров, обеспечивающих невидимость?

– Не нужно совещаний. Мы уйдем из этого района.

Тогда я заговорил откровенно:

– Олег, почему ты держишься так отчужденно? Поверь, это производит неприятное впечатление не только на меня.

Он помедлил с ответом.

– Я не должен держаться по-иному, Эли.

– Не должен?

Он рассеянно глядел в угол. На лице его больше не было камуфляжной улыбки. Он был прежним простым и ясным парнем, каким я знал его на Земле.

– Эли, я не люблю Эллона, – сказал он.

– Никто не любит Эллона.

– Ты ошибаешься, Эли.

– За исключением Ирины, – поправился я.

Для меня это достаточно важное исключение... – сумрачно признался он. – Мы были очень дружны, пока она не стала работать с Эллоном. Он выдающийся ум, но она очень уж им покорена. И Эллон в ее присутствии непрерывно подчеркивает, что я выше по должности, но не по значению.

– Мы говорим о твоём отношении ко всем, а не к Эллону, – напомнил я.

– Я не могу выделить Эллона среди других. Заповедь звездoproходца – ко всем товарищам относиться одинаково по-товарищески. Но я не способен обращаться с ним как с Ромеро, как с Орланом и Грацием. Для меня один выход: не выделять никого. Возможно, я неправ, но навязываться Эллону в друзья не буду.

Читать Олегу проповедь о звездной дружбе я не хотел и перевел разговор на другую тему.

– Твой отец когда-то задумывался над проблемами звездной гармонии. Он даже написал симфонию «Гармония звездных сфер». Если не ошибаюсь, она говорила о круговороте миров, о людях и о небожителях – как раз о наших сегодняшних проблемах. Но там была не одна музыка, но и другие ингредиенты: давление, жара, холод, перегрузки, невесомость...

Олег хорошо знал биографию своего отца.

– Симфония провалилась при первом исполнении на Земле, небожители на Оре тоже не пришли в восторг. Она, вероятно, была преждевременна. Боюсь, что и мы преждевременны, Эли: пока звездная гармония осваивается с трудом. И, вероятно, мы еще встретимся с перегрузкой, поразительной жарой и холодом.

Наш разговор прервал сигнал тревоги. Мы с Олегом поспешили в командирский зал. Анализаторы извещали, что звезда Красная подверглась нападению. Все четыре корабельные МУМ, независимо одна от другой, из всей бездны понятий, хранящихся в их памяти, дружно выбрали именно этот чудовищный термин – «нападение».

Изумленные, мы не отрывали глаз от экранов. Из района, куда был проложен наш курс, несся мощный поток излучения – гигантский луч, нацеленный точно на Красную. Струя несущейся энергии со стороны казалась бледным силуэтом, слабо светящейся лентой. И если бы не было видно, что происходит со звездой, мы могли бы и не понять, какая мощь заключена в этом луче.

Олег, побледнев, повернулся ко мне.

– Какое счастье, Эли, что мы у планеты! Если бы мы оказались сейчас по ту сторону Красной, вся эскадра превратилась бы в плазменное облачко!

– Что ты собираешься предпринять, Олег? Бежать отсюда?

– Приблизиться к Красной, Эли. Мы должны разобраться, что происходит. Будем идти со всей осторожностью, конечно.

Эскадра, оставаясь в Эйнштейновом пространстве, направилась к уничтожаемой кем-то или чем-то звездой. Я сидел в кресле и хмуро глядел на экраны. Я думал о гибели первой экспедиции в ядро Галактики. И не один я вспоминал в тот момент погибающую эскадру.

Последние записи бортового журнала Аллана говорили о том, что на звездолеты обрушился поток губительных частиц и что Аллан с Леонидом пытаются вывести корабли за его пределы. Вырвавшись в чистый простор, они уже надеялись, что избежали непонятной опас-

ности, как вдруг корабли снова настигли такие же потоки, как будто бы неведомые – во всяком случае невидимые – генераторы губительного луча меняли прицел, следя за метаниями эскадры. Так продолжалось несколько раз, пока не оборвались записи и корабли с мертвыми экипажами, успевшими перед гибелью задать автоматам обратный курс, не унеслись назад из ядра, так и не подпустившего их к себе. Именно целенаправленность ударов, не объяснимая ничем иным перемена направления узких потоков и заставили потом, на Земле, предположить, что против экспедиции начались военные действия.

Сейчас была аналогичная картина, с той лишь разницей, что луч бил не в нас и что мощьность его безмерно превосходила то, что обрушилось на корабли Аллана и Леонида. Обстреливали звезду, а не звездолеты, – энергии требовалось побольше. Картина была реальная и немислимая в своей реальности – без конца исторгающийся поток энергии, строго направленный на Красную чудовищный луч...

– Война! – невольно сказал я вслух. – Какое же дьявольское могущество – так обстреливать звезды!..

– Еще нужно установить, что это чье-то сознательное действие, а не стихийное явление природы, – возразил Олег. Он не мог согласиться с тем, что мы повстречались с космической стрельбой. – Война против вторгшихся кораблей противника все-таки понятна. Возмутительно, отвратительно, преступно – да, но в конце концов не противоречит законам поведения живых существ. Но зачем воевать против мертвой звезды? Почему? Для чего?

– Не могу ответить ни на один твой вопрос, Олег. Но уверен, что, если мы сегодня не будем соблюдать поистине исполинскую осторожность, мы угодим в беду горше той, что постигла эскадру Аллана, – даже трупы наши не вышвырнет на родину!

Олег держал эскадру в отдалении от страшного луча. Экипажи дежурили на боевых постах. Мы были готовы немедленно включить все средства защиты – аннигиляторы пространства, генераторы метрики, гравитационные улитки. Я уже и тогда не сомневался, что вся эта казавшаяся могущественной защита не больше чем хлопущка против атомного снаряда. У меня было ощущение, что мы резвимся на краю бездны. Мы не погибли лишь потому, что нас игнорировали. Удару подверглась звезда, а не эскадра.

Чудовищный луч врезался в нее, как гарпун в тело кита. Звезда напухла и разлетелась. Она вся целиком превратилась в огромный протуберанец, она неслась на нас, тускнея, в дыме и пепле, пропадала в бешено разлетающемся собственном прахе.

Луч оборвался так же внезапно, как и возник. Звезда продолжала бушевать, но это была уже другая звезда. Добрая треть ее вещества выплеснулась наружу и продолжала разлетаться, сгущая и без того плотную туманность. Багровая пыль затягивала потускневшие светила дальних звездных районов. Пылевое облако мчалось, как после взрыва.

А с планетой, на которой мы побывали всего несколько часов назад, было покончено. Собственно, планета сохранилась, но лишь как небесное тело. Диковинные формы жизни, открытые на ней, были уничтожены. Вся ее поверхность, повернутая к Красной, была покрыта стекловидной оплавленной массой. Возможно, на другой стороне и можно было поискать остатки жизни, но там бушевали пожары. Мы не сомневались, что погибли бы, если бы остались в эту страшную ночь на планете.

Природа луча, столь неожиданно появившегося и так внезапно оборвавшегося, так и осталась непроясненной. В нем имелись тривиальные фотоны, нейтроны, протоны, ротоны, нейтрино, даже мало изученные ергоны, а также, вероятно, и еще неизвестные материальные микроконструкции. Нельзя было и вообразить никакого естественного процесса, создающего такой чудовищный гиперлазер. Но если то был и вправду обстрел, то для чего обстреливали звезду? Кто ее обстреливал?

Олег собрал совет командиров. Совещание транслировалось на все корабли. Олег поставил один вопрос: что командиры думают по поводу событий, разыгравшихся на Красной?

– Космическая катастрофа, – сказала Ольга. – Я сделала некоторые подсчеты. Поток, исторгшийся из ядра, перенес энергию, достаточную для создания десяти новых планет. Маловероятно, что где-то можно было изготовить оружие такой мощности. Я склоняюсь к тому, что мы встретились с новым космическим процессом.

– Если это космический процесс, то он опасен, – высказался осторожный Петри. – Пронесся бы такой луч через нашу эскадру – и воспоминания бы от нас не осталось! Меня смущает прицельность потока: он шел издалека и точно угодил в звезду. Для естественного процесса такая точность маловероятна.

– Космическая война! – воскликнул Камагин. – Почему кто-то нападает на мертвое светило? А разве люди не штурмовали мертвый камень фортов и крепостей, не разрушали города и посеы, леса и воды, чтобы лишить противника убежищ и источников питания? Мы не знаем целей войны, не знаем, кто ее ведет, не знаем, какую пользу кому-то приносит уничтожение Красной, но что это война – сомнений быть не может. И результаты мы видим ясно: деградация главного светила, гибель уникальных форм жизни!

– Если война, то надо определиться, на чьей мы стороне, – объявил Осима. – Кто сеет зло, кто страдает от зла? Что до меня, то мне больно за странных существ, населявших планету. Удар направлен против них, а они были бессильны ответить контрударом. Жизнь их странна, но это жизнь, и она взывает о защите.

На совете капитанов всегда присутствуют Орлан и Граций. Олег попросил высказаться и их. Им не хватало данных для решения. Сам Олег сказал, что мы не вправе ошибиться, ошибка непоправима.

Если мы встретились с актом войны, не будем торопиться вмешаться в нее. Надо узнать силы и цели противника. А если в космосе разыгрались неведомые стихии, тем более следует остерегаться, чтобы ненароком не попасть в какое-нибудь чудовищное горнило.

– Нас интересует твое мнение, Эли. Ты научный руководитель экспедиции, твое слово решающее.

– Мое слово ничего не решает, ибо я согласен со всеми, – объявил я. – Все мнения обоснованны. Ближе всех мне анализ Камагина и желания Осимы. Но я бы не рискнул действовать по их программе. Я поддерживаю командующего. Изучение продолжается, категорические решения откладываются.

– Тогда продолжаем лететь к ядру, – подвел итоги Олег. – И ко всему только присматриваемся.

После совета Камагин упрекнул меня:

– Эли, раньше вы были решительней! И принимали решения такие смелые, что голова кружилась. Вы постарели, адмирал!

Я с нежностью посмотрел на Эдуарда. Он не постарел. Он ровно вшестеро старше любого из нас – и моложе всех. Маленький, быстрый, широкоплечий, с красивым лицом, с темной шевелюрой, темными живыми глазами, он сохранил ту смелую душу, что некогда повела его в космос на примитивных досветовых звездолетах, дала возможность пройти испытания пятисотлетней космической одиссеи. Он был все так же по-юному отважен, все так же рвался в сгущение событий. Его имя, высеченное золотыми буквами в Пантеоне, начинает длинный список великих галактических капитанов, в отличие от него давным-давно умерших. Среди нас, участников второй экспедиции к ядру, он самый выдающийся. Я ласково положил руку ему на плечо.

– Дорогой Эдуард, я и вправду всего боюсь. Мы вышли на поиски рамиров, таинственного народа, о котором известно, что он могущественнее нас. Что если события, свидетелями которых мы стали, являются формой их деятельности в районах, прилегающих к ядру? А почему она такая, не спрашивайте, знаю одно: действие по могуществу действующего...

– Хорошо, будем действовать по нашему собственному могуществу – всего пока побаиваться, – сказал, прощаясь, Камагин и дружески мне улыбнулся, чтобы я не обиделся.

Ольга задержалась у Ирины, потом прошла к Мери.

– Ты доволен моей дочерью, Эли?

– Надо спрашивать, довольна ли она мной, – отшутился я. – Она не очень-то меня жалуется, но ссор у нас нет. Ты бы лучше спросила Олега.

– Я спрашивала. Нареканий на Ирину у Олега нет. Но сказал он это очень сухо. Меня тревожит, что между Олегом и Ириной пробежала черная кошка.

– Не черная кошка, а Эллон, – вмешалась Мери. – А этот демиург страшнее любых кошек.

– Ирина увлечена работой в лаборатории, – уклончиво сказал я. – Вероятно, она не может уделять Олегу столько внимания, сколько раньше.

Олег приказал запустить аннигиляторы. Мы вынеслись в сверхсветовое пространство. Красная с ее мертвой планетой осталась позади.

Часть вторая. Гибнущие миры

*Оплетавшие – останутся.
Дальше – высь.
В час последнего беспамятства
Не очнись.
У лунатика и гения
Нет друзей.
В час последнего прозрения —
Не прозрей!
Я глаза твои. Совиное
Око крыш.
Будут звать тебя по имени —
Не расслышь.
Я душа твоя: Урания —
В боги – дверь.
В час последнего сияния —
Не поверь!*

М. Цветаева

*Бог на красные кнопки жмет.
Пламя райские кущи жнет.
Бог на пульте включил реле —
Больше рая нет на Земле.*

В. Шефнер

1

Олег вызвал меня в командирский зал.

Корабль вел Осима, Олег разговаривал с Эллоном. Должно было произойти что-то важное, чтобы Олег захотел вызвать Эллона к себе и чтобы тот согласился покинуть лабораторию.

На звездных экранах смутно очерчивалось ядро, до него оставалось не более двух тысяч светолет. Сбоку мерцало пятнышко шарового звездного скопления.

– Впереди по курсу – яма в пространстве, – сказал Олег. – Прямая на ядро – длинней обхода по кривой. Мы попали в какой-то провал в метрике.

О провалах в пространстве я слышал и раньше, теорию их излагали в курсе астронавигации. Что пространство Евклидово лишь в абстракции, известно каждому. Но никто из звездопроходцев еще не встречался с подобными «провалами в провалах». Было предположение, что в один из них угодило созвездие Гиад – оно удалялось от всего окружающего.

– Значит ли это, что, сохранив курс, мы не доберемся к ядру? – спросил я.

– Свет от ядра через яму проходит. Но пройдем ли мы в сверхсветовой области? Что если там не найдется физического пространства, которое смогло бы аннигилировать в генераторах Танева? Тогда мы будем падать и падать в бездну!

– Сколько помню теорию Нгоро, провал в метрике может объясняться и замедлением времени.

Мне ответил демиург:

– Это было бы еще хуже, адмирал. Замедление времени – та же яма, только из нее еще трудней выбраться, чем из пространственной. Я против спуска в провал!

– Курс в обход пролегает через шаровое скопление, иной дороги нет, – задумчиво сказал Олег.

Я показал на звездные экраны. Космос нигде не заколочен досками. Почему не идти левее шарового скопления, выше, ниже его? Разве что-нибудь там тоже грозит?

– В том-то и дело, что грозит. Космос нигде не заколочен досками, ты прав, Эли. Но МУМ утверждает, что окрестности ядра изобилуют такими же ямами. Мы прокладываем курс по всей совокупности звезд, а не по одной, произвольно выбранной. И вот все звезды, что были справа и слева по курсу, вдруг стали очень быстро отдаляться. Разбегание составляет тысячи световых лет в неделю. Звезды не корабли, они не могут вырваться из оптического пространства. И красного смещения света нет, значит, нет и реального разбегания. Вывод один: свет в этих районах попадает в провалы метрики, где инерциальные линии колоссально удлиняются.

– А те звезды, что мы оставляем за собой?

– Там все нормально, Эли. За нами ведь нет провалов в метрике. Похоже, надежный путь только через шаровое скопление!

– Можно мне уйти? – спросил демиург. – Я свое мнение высказал.

Он ушел. Мы с Олегом молча всматривались в звездную полусферу. Шаровое скопление появилось на экранах недели две назад, за это время мы приблизились к нему почти на сто светолет. Это был шарообразный звездный рой – около пяти миллионов звезд, мчавшихся от ядра, перпендикулярно к плоскости Галактики со скоростью 50 километров в секунду. Скорость невелика, но если помножить ее на давность существования роя? За двести миллионов лет – срок по космическим масштабам небольшой – скопление вообще покинет Галактику. Оно не просто двигалось в пространстве – оно убегло!

И еще об одном сказали корабельные МУМ. Убийственный луч, поразивший Красную, шел, вероятнее всего, из этого скопления. На трассе луча не было других светил, которые смогли бы его прогенерировать. И вот, оказывается, оно было единственной доступной дорогой в ядро.

– Пробка, затыкающая горлышко бутылки, – с досадой сказал Олег. – Или акулий рот, усеянный светящимися звездными зубами и готовый проглотить непрошеного пришельца.

– Другого выхода у нас нет, Олег?

– Другого выхода нет.

Эскадра повернула на шаровое звездное скопление.

Я много раз описывал звездное небо в рассеянных скоплениях Плеяд и Персея. Я хотел бы в подробностях рассказать о новом звездном пейзаже. И если не делаю этого, то лишь потому, что картина, развернувшаяся на экранах, относилась к тем, о которых говорят: «Невыразимо прекрасно». Шаровые скопления – теперь я это хорошо знаю – несравнимы с рассеянными. Вообразите себе небо, в котором две сотни земных лун, тысячи Венер, сто тысяч Сириусов, отчетливо светятся остальные пять миллионов звезд, ибо ни одна не дальше десяти световых лет, – и вы поймете, что описать красоту этого звездного мирка невозможно.

Но об одном я сказать обязан. Межзвездный простор здесь совершенно прозрачен, настолько прозрачен, что пустые районы космоса в сравнении с ним кажутся пылевыми облаками. Если «Козерог» когда-нибудь вернется на базу, там смогут полюбоваться стереофильмами, запечатлевшими величественную красоту и поразительную чистоту этого убегающего из Галактики звездного мира. Даже тем, кто не желал и слышать о какой-то музыке звездных сфер, невольно приходили на ум именно такие сравнения: звездная гармония, симфония светил – настолько равнозначно музыке было это царство света и чистоты.

У многих звезд были планеты, мы фиксировали каждую. На планетах имелись идеальные условия для белковой жизни: умеренно жаркие солнца (звезды здесь в основном поздних классов, желто-оранжевые, красноватые), прозрачность космоса, атмосферы, похожие на земные, вода, суша. Но ни на одной не было даже и намека на жизнь! Миры прекрасные и мертвые – такими они проходили мимо нас. Мери хотела слетать на какую-нибудь из планет, чтобы заразить ее жизнью, но было не до прививок жизни великолепным планетам: никто не забывал, что мы идем в иной мир. Парадный вход превосходен, но что за ним?

– Рай, до того как его заселили, – сказала Мери.

– Рай на экспорт, – мрачно пошутил я, намекая на то, что скопление выдирается из недр Галактики.

– Если ты приписываешь бегство скопления действию каких-то разумных сил, то не слишком ли большим могуществом их наделяешь?

– Я ставлю вопросы, но ответы заранее не программирую.

Про себя я, конечно, ответы программировал. Я перенапрягал свой мозг трудными вопросами. Все известные шаровые скопления равномерно, на всех осях, удалены от ядра, это тоже отдалается от него, – почему ядро Галактики как бы испаряется шаровыми скоплениями? Что заставляет их бежать на периферию, в то время как с отдельными звездами ничего похожего не происходит? Какие силы так старательно перетасовывают светила, чтобы в шаровых скоплениях оказались звезды одних поздних классов, наиболее удобные для белковой жизни? Почему так часто, в сотни раз чаще, чем у обычных звезд, встречаются у них планеты?

– Все шаровые скопления летят только наружу, перпендикулярно к плоскости, где в Галактике размещена основная масса звезд, – твердил я себе. – Они как бы стремятся на простор. Почему? Тысячи «почему»! Где же эти треклятые рамиры – они, вероятно, объяснили бы загадку!

Эллон имел специальное задание – обнаружить на планетах шарового скопления механизм, ударивший по Красной. Признаков суперлазера он не нашел. Не было самого существенного – могущественной цивилизации, которой стали бы под силу такие орудия. День за днем на малой тяге аннигиляторов мы мчались через блистательный мир, запыляя его сгоревшим в аннигиляторах космосом, и не улавливали даже слабого сигнала, протестующего против порчи межзвездной среды. Великолепный мир, бесполезный мир, говорили мы между собой. В нем

не было жизни, красота его была ни для кого. Он сиял про себя, для себя, в себе. Мы не могли простить ему такой расточительности. Беспольный мир! – снова говорили мы с грустью.

2

Мы пронеслись сквозь звездные ворота ядра и снова попали в затуманенное пространство. Ядро дымило, как плохой костер, его повсюду заволокли газовые облака. Гигантские массы водорода мчались во все стороны, как гонимые ветром, то разрежались, то снова сгущались. Ольга передала очередной расчет: в местных звездах вещества меньше, чем распылено в межзвездном пространстве. Она была удивлена и обрадована. Я не удивился и не обрадовался. Я не люблю пыли ни на Земле, ни в космосе. Мери с сердцем сказала:

– Почему тебя назначили научным руководителем экспедиции? В тебе нет настоящей любви к науке! Новый факт никогда не восхищает тебя сам по себе.

– Зато я люблю ученых и могу вытерпеть их открытия, а это не так уж мало. В остальном ты права: меня восхищают факты хорошие, а не просто новые.

Немного правее курса появилась короткопериодическая цефеида. Это была типичная пытящая звезда, быстро меняющая объем и светимость. Я бы не стал тратить на нее внимания. Жилка ученого в Олеге сильнее, чем во мне. По просьбе Эллона, он направил эскадру к звезде.

Мы видели в рейсе множество цефеид, – сказал я Эллону. – Почему тебя заинтересовала именно эта?

– Она приближается к коллапсу, – ответил демиург. – Опадение звезды в точку может произойти со дня на день. Будет непростительно, если мы пропустим такое событие.

А Бродяга признался, что всегда мечтал приблизиться к коллапсирующей звезде. Несколько раз он издалека наблюдал за коллапсом звезд вне Персея. И всегда это было грандиозно. Когда ему надоедала жизнь могучего звездного тюремщика, он воображал, что переносится на коллапсар и погибает с ним, наблюдая изнутри гигантскую катастрофу. Это было великолепно – не собственная гибель, конечно, а картина гибели звезды.

– Бродяга, ты неисправимый романтик, – сказал я.

Ольга прислала новый расчет. Находиться поблизости коллапсара было не безопасней, чем попасть под луч, поразивший Красную. Только интенсивная работа аннигиляторов вещества могла гарантировать от катастрофы, если звезда перед коллапсом превратится в сверхновую, то есть выбросит наружу примерно с четверть своей массы. Олег приказал временно подготовить аннигиляторы, приказ был обычный для этой операции: «К бою», – хотя воевать со звездой бессмысленно; название наших технических операций отражает старые человеческие дела.

Но звезда не превратилась в сверхновую. Она уже когда-то была сверхновой – взрыв произошел за много веков до того, как мы появились здесь. Теперь от светила оставался лишь рудимент прежнего звездного гиганта, плотная, лихорадочно менявшая свой блеск и объем звездочка, по массе, правда, раза в три больше нашего Солнца. И этот рудимент сколлапсировал на наших глазах. Мы увидели во всех подробностях антивзрыв, о котором столько слышали, но которого не наблюдал вблизи еще ни один человек.

Эскадра кружила вокруг звезды компактной группой, на время превратившись в ее спутника. По виду ничто не предвещало катастрофы. Вдруг звезда стала проваливаться. Это было «вдруг» в точном значении слова – мгновение отделяло спокойное состояние от взрыва. Звезда взорвалась, но не наружу, а в себя. Она опадала, неслась в свою глубину, к своему центру. Олег приказал приблизиться, мы теперь летели на звезду, она – от нас. В момент антивзрыва диаметр звезды составлял миллиона три километров, он опал до миллиона, до ста тысяч, до тысячи... Звезда стала меньше Земли, но чудовищные силы по-прежнему стискивали, сдавливали, стягивали, уминали ее. Она была уже меньше земной Луны, но все продолжала опадать, все неслась к своему центру – небольшой, уменьшающийся шарик, такой безмерно плотный, что один его кубический сантиметр весил уже миллиарды, если не триллионы тонн. И тут звезда стала

закатываться: она была уже не больше трех-четырех километров в диаметре, крохотная точка по космическим масштабам, – точка еще сверкала, но свет краснел, темнел, звезда пропадала в невидимости, в абсолютной невидимости – для волн, для частиц, для силовых полей. Больше не было шарика с чудовищно уплотненной массой, была черная дыра в пустоте – зловещая дыра, втягивавшая в себя все, что к ней неосторожно приближалось.

Олег велел эскадре затормозиться. Дальнейшее движение было опасно. Попади мы в притягивающее поле «черной дыры», нас не спасли бы ни аннигиляторы вещества, ни генераторы метрики, ни гравитационные улитки.

– Ужас! – воскликнула побледневшая Мери. Мы сидели с ней в обзорном зале. – И такие невидимые страшилища подстерегают наши корабли, как черные пауки в кустарнике. Оступился, шаг в сторону – и конец!

Коллапсары и вправду напоминают пауков космоса. К счастью, МУМ фиксирует все попутные поля. Автоматы сами включили бы тормозные двигатели, если бы притягивающие поля коллапсара подошли к опасной величине.

Пока мы разговаривали с Мери, справа появилось космическое тело, предположительно – звездолет. Всего мы могли ожидать в этом неизведанном уголке Вселенной, никакое удивительное явление природы не сочли бы невероятным, но о встрече со звездолетом, искусственным сооружением разумных существ, и помыслить не могли! Мы кинулись к обзорным экранам. Анализаторы бесстрастно твердили одно: к нам приближается звездолет.

Я ушел в командирский зал. Это точно был корабль, а не космический шатун. И он удалялся от коллапсара! Он был на таком расстоянии от сконцентрировавшейся в комок звезды, что его не могло не затянуть в ее страшные объятия. Он должен был падать на нее с такой же быстротой, с какой она сама опадала в себя. А он улепетывал! Он мчался нам навстречу. В мире не существовало двигателей, способных развить тягу, превосходящую притяжение коллапсара!

– Вероятно, Ольга уже проделала все расчеты, связанные с незнакомцем, – заметил я. – На «Овне» МУМ всегда работает с трехкратной нагрузкой. Запросим Ольгу.

По вычислениям Ольги, однако, получалось, что летящего чужого корабля нет. Он был, мы его видели, он неистово мчался прямо на нас, но его не было!

– Чепуха! – сказал я с досадой. – Олег, я по горло сыт призраками и привидениями. Снова какой-то фантом, только космический, а не планетарный.

– Фантомы – тоже реально существующие объекты, только не те, какими они кажутся, – возразил Олег. – А этого просто нет, хотя он есть, так надо понимать сообщение Ольги.

Наша МУМ подтвердила донесение Ольги. Все поисковые поля, направленные на незнакомца, показывали: в том месте, где он был, ничего нет. К нам несся подлинный призрак, куда призрачней тех, что мы творили с помощью генераторов фантомов. Я спустился к Эллону.

У него уже были Орлан и Граций, во всю длину пола разлегся дракон,

– Эллон, – сказал я, – мы видим в оптике чужое тело, но поисковые поля не обнаруживают его. Можешь ты разъяснить этот парадокс на языке доступных мне понятий?

– На языке доступных вам понятий – нет, – ответил Эллон. Он даже не захохотал, как обычно, предвкушая эффект своих объяснений. Эффект был сам по себе так значителен, что его не нужно было подчеркивать дьявольским хохотом.

– А на языке необычных понятий, Эллон?

– Звездолет, который мы видим, не существует в нашем времени.

Я переглянулся с Орланом и Грацием, потом посмотрел на дракона. Они понимали не больше моего. В стороне сидела Ирина – раскрасневшееся лицо, блестящие глаза и то, как она кивала головой на каждое слово Эллона, свидетельствовали, что она убеждена, будто ей все ясно.

– Не существует в нашем времени? В каком же, черт побери, времени он мчится на нас?

– Для нас он мчится из нашего будущего в наше настоящее.

А не из прошлого в настоящее? – Объяснение Эллона было из тех, которые сгущают, а не рассеивают тьму.

– Из прошлого в настоящее мчимся мы. Вернее, непрерывно отодвигаем наше настоящее в прошлое. Время реактивно связано с нами – подталкивает нас вперед, в будущее, само улетает назад, в прошлое. Движение незнакомца – выстрел из будущего в настоящее. Его время нереактивно отскакивает от него, а мчится в том же направлении, как пороховые заряды в дулах орудий мчатся вместе со снарядом.

– Выстрел из будущего в настоящее? – Я подумал. – Но мы же видим чужой звездолет, Эллон, и видим его в нашем настоящем, видим уже два часа, и за это время то настоящее, которое было два часа назад, стало прошлым. Иначе говоря, звездолет существует и в настоящем, и в прошлом, а не в будущем.

Мне показалось, что я поймал Эллона на противоречиях. Но демиург хорошо продумал свою концепцию.

– Мы видим в настоящем его тень, падающую из будущего. Тень предваряет появление реального объекта. Тень сокращается, то есть звездолет приближается из будущего в настоящее. Когда она совпадет с объектом, он появится телесно.

– Он не пронесется из настоящего в прошлое?

– Думаю, что у него не хватит энергии, чтобы проскочить нуль времени, называемый «настоящим», или «сейчас», или «данном мгновением».

– Ты слышишь, Олег? – спросил я по стерео-фону. – Если гипотеза Эллона верна, то столкновение с чужим кораблем нам не грозит. Нам так же не страшна встреча с ним, как Чингисхану не страшна встреча с нашими звездолетами. Ты что-нибудь понял?

Олег ответил, что постарается избежать близкого контакта с чужим кораблем, безразлично, в каком времени тот обретаётся.

Гипотеза Эллона начинала мне нравиться. Все дело было в том, что звездолет мчался от коллапсара. При коллапсе меняется ход времени – и будущее, и прошлое стягиваются в точку. Говорят, перед глазами умирающего проходит вся жизнь. У гибнущей звезды в какие-то считанные секунды выстраивается не только все прошлое, но и все будущее. Как это представить себе, я не знаю, но таковы выводы теории. Время концентрируется в плотный клубок, масса становится чудовищно плотной.

И если под временным прессом окажется чей-нибудь звездолет – и уцелеет, то невыносимое давление сгущенного времени вполне может выбросить его в будущее. Пространственно он будет «здесь», а временно – в далеком «там». И, оторвавшись от схлопывающейся звезды, он должен будет стремительно возвращаться в свое время – так камень, брошенный в высоту, рушится наземь. И тогда его приближение к нам – бег не в пространстве, а во времени. Естественно, что, видя его тень, мы не нащупываем его самого нашими полями: его еще просто нет. Аргументация Эллона была достаточно сумасшедшей, чтобы обосновать логичность безумного явления.

А затем произошла встреча – и произошла точно по Эллону. Олег постарался, чтобы шальной звездолет не угодил ни в один из кораблей. Эскадра выстроилась в кольцо, в центр кольца неся звездолет. Не долетев до нас, он остановился. Теперь он неподвижно висел в космосе. Очевидно, пришел в точку равновесного времени – и это было как раз наше «сейчас».

Окружив незнакомца кольцом, мы по-прежнему видели его как расплывчатый силуэт и по-прежнему наши поисковые поля не могли оконтурить его. Время на нем, похоже, замедлилось, оно тоже тормозилось – он уже не падал в «сейчас» так стремительно.

И вдруг чужой корабль вырвался в пространство физически. На экранах вспыхнула реальная картина – телесный предмет, а не его диковинная тень. Звездолет напоминал улитку из тройного кольца спиралей: ни у нас, ни у галактов и демиургов не было и отдаленно похо-

жей конструкции. Корабль, совершенно прозрачный, как будто и стенок у него не было, весь состоял из мерцающего газа, сжатого какими-то силами в тройную спираль. Лишь на острие возвышался темный нарост размером с наш корабельный зал – вероятно, командный пункт: в нем виднелись непрозрачные тела.

Впервые я увидел Эллона удивленным.

– Эли, – обратился он ко мне, забыв сказать традиционное «адмирал», – Эли, вы знаете, что это за форма? Она воспроизводит гравитационную улитку, при помощи которой я отшвырнул хищную планету!

Дракон был удивлен не меньше демиурга.

– Так красочно описанная тобой «проблема пинка в зад» получила, кажется, предметное оформление, – съязвил я. – Конструкция, которая сама себе наддаёт!

На сигналы звездолет не отзывался. Олег велел Осиме вести планетолет к чужому кораблю.

Планетолет облетел улитку, ошупал ее полями, поискал, но не нашел входы. Осима решил отделить кабину от корпуса. Вскоре мы увидели гибель звездолета. Кабина, охваченная нашими полями, сохранилась, а корпус, чуть ее срезали, мигом распался – бесформенное облачко поплыло к нашей эскадре, оно больше не мерцало.

– Полюбуйтесь, каких зверей я притащил! – сказал Осима, выпрыгивая из планетолета, возвратившегося на «Козерог». – Чужой корабль сохранить не удалось, чужие астронавты доставлены. Но они все мертвы! Они уже миллионы лет мертвы, если верить Эллону, что мы повстречали не звездолет, а времялет.

Внутри кабины лежало шесть тел – несомненно, когда-то они были живыми. Прозрачные стенки ее напоминали силовые экраны, натянутые на каркас, тоже, впрочем, прозрачный. Наши силовые насосы быстро рассосали кабину. Мертвые тела выпали на площадку. Это были очень странные существа!

Они чем-то походили на нас – людей, демиургов, галактов, ангелов, даже драконов, – и были совершенно другими: у всех – головы, лица, волосы, но этим сходство, пожалуй, исчерпывалось. Волосы (каждый волосок – толщиной с мизинец) напоминали змей; глаз было три; рот представлял собой круглое, безгубое отверстие; небольшая голова покоилась на мощном черном теле паука, опиравшемся на двенадцать ног – восьмичленных, толщиной в человеческую руку.

– Живое! – закричал Лусин и бросился к одному из созданий. – Дергается!

Граций поспешно схватил Лусина за плечо, чтобы он не подошел к паукообразным слишком близко. Из мощных рук галакта Лусин выбраться не мог, но все настойчивей указывал на ближнее к нам тело и все взволнованней твердил, что незнакомец жив.

Вскоре и я увидел, что одна из ног дернулась, задвигались и волосы на голове. Незнакомец сделал слабую попытку приподняться и снова упал. Два его нижних глаза с усилием открылись, обвели нас мутным взглядом и опять закрылись. Движение, очевидно, стоило ему столько сил, что он опять впал в бесчувствие.

– Пятеро мертвы, но этого можно привести в чувство, – сказал Олег. – Куда бы его поместить?

Эллон попросил себе ожившего астронавта. В лаборатории тесновато, но для такого любопытного создания местечко найдется. И если понадобится экспериментировать для оживления звездного странника, делать это лучше в лаборатории, не так ли?

– Берите его, Эллон, – разрешил Олег. Ромеро обратился сразу к Олегу и ко мне:

– Высококочтимые друзья, не будете ли вы возражать, если я присвою нашим новым двенадцатиногим знакомым название аранов?

Мы поинтересовались, почему Ромеро придумал такое название. Он объяснил, что словечко «аран» как-то связано в древних человеческих языках с обликом паука. Оспаривать, что незнакомцы похожи на земных пауков, мы не могли.

– Еще они похожи на алтайцев, – заметил я. – Только те симпатичней.

– Те дружелюбней и сердечней, – ответил Павел. – И, очевидно, значительно меньше развиты, чем араны.

Потом я часто припоминал, с какой точностью Ромеро с первого взгляда определил характер аранов.

3

Аран стоял на двенадцати ногах, запрокинув небольшую голову. Издали казалось, что он остановился сам и вот-вот пойдет опять, или даже побежит, уверенно перебрасывая ноги. Поза эта была придана ему извне, сам он валился набок, чуть ослабевало поддерживающее поле. Он был все в том же беспамятстве, в каком мы внесли его в лабораторию.

День, когда он раскрыл три глаза, запомнился всем.

С момента встречи во звездолетом прошло больше месяца. Мы оставили далеко за собой «черную дырку» коллапсара. Я зашел в лабораторию и разговаривал с Эллоном.

Нас прервал голос Ирины:

– Он парит, Эллон! Эли! Он парит.

Аран и вправду парил. И не только парил, но и двигался на нас. Эллон отпрянул назад, я тоже. Меня испугал третий глаз, я впервые видел его раскрытым. Верхний глаз не вглядывался, а высвечивал. Он был пронзительно, беспощадно зорок. Во взгляде двух нижних глаз тоже не было прежней замутненности, но это были глаза как глаза, умные, немного грустные, без особой проницательности. Позднее мы узнали, что верхний глаз аранов способен ослеплять. Он, конечно, не лазер, но что-то лазерное в нем есть. Эллон поспешно усилил защитное поле, и аран, подтянув расползающиеся ноги, снова медленно взмыл. Он явно стремился пододвинуться к нам.

– Настраивай дешифратор, – попросил я Ирину. – Возможно, нам удастся найти общий язык.

Одновременно я пригласил в лабораторию всех поисковиков. Появились Мери, Лусин, Ромеро, Орлан, Граций, приполз дракон.

Ирина запустила дешифратор на все диапазоны, но контакта не было. Если аран и генерировал какие-то сигналы, то до нас они не доходили. Ирина сказала:

– Он, несомненно, мыслящее существо, но наши приемники не способны понять его.

– Зато, мне кажется, он понимает нас и без специальных приемников, – задумчиво сказал Орлан.

Его, как и меня, поразил умный взгляд нижних глаз и пронзительность верхнего. Мне надоела возня с дешифратором, я поднялся. Мери тоже поднялась. Я кивнул ей, она подошла со мной вплотную к пауку-космонавту. Не знаю, почему мне понадобилось так пристально вглядываться в него. Вероятно, подействовало замечание Орлана. Меня возмутила мысль, что нас понимают, может быть, даже хладнокровно изучают, а мы покорно ждем – не сообразовит ли наблюдатель обратиться к нам с ясной речью.

Я почти враждебно переводил взгляд с мощных восьмисуставных ног на круглое, покрытое черными волосками брюшко, с брюшка на голову – на ней стоймя стояли не то волосы, не то руки, не то змеи, – с головы на трехглазое, круглоротое, безбровое лицо. Взгляд нижних глаз, темных, круглых, грустных, я стерпел: они по-прежнему только смотрели, в них не было вызова, но верхний глаз зло сверкнул, надменный, пронзительный, – я должен был с ним побороться. Я бешено в него уставился. Я собрал всю волю, чтобы отразить поток ненависти, льющийся из него, чтоб смять, разорвать, растопить неприязнь, прожекторно ударившую в меня.

Мери с испугом схватила меня за руку:

– Эли, что с тобой? Ты так побагровел!

– Оставь! – сказал я сквозь зубы. – Хочу показать этому звездному проходимцу, что он встретился с высшей силой, а не с тупыми животными!

Теперь я могу только удивляться, откуда у меня взялись такие слова, такое страстное негодование. Паукообразный странник не оскорблял нас, а неконтролируемые ощущения чести никому не делали, тем более мне, руководителю экспедиции. И, вероятно, в следующее

мгновение я нашел бы в себе силы остановить себя: я мельком увидел удивленное лицо Орлана, укоризненный взгляд Грация, до меня донесся горестный вздох Лусина – все это подействовало бы на меня, если бы сам звездный странник не погасил мою неожиданную ярость. Верхний глаз вдруг потускнел, он уже не отличался от двух нижних, глаза были как глаза, глядящие, старающиеся понять, они могли вызывать удивление, интерес, даже сочувствие, только не бешенство. Мне стало стыдно своей вспышки. Я сказал, стараясь ни на кого не смотреть:

– Я пойду. Контакт с незнакомцем, несомненно, будет. Но не уверен, что он произойдет в следующую минуту.

Контакт произошел в следующую минуту. Не успел я сделать и трех шагов к двери, как раздался голос пришельца. Аран говорил на человеческом языке. Нет, он не говорил в нашем смысле. Не возникало того сотрясения воздуха, какое вызывается звуком. Да он и не мог бы говорить: у него нет нашего аппарата речи. Но голос его звучал у каждого в мозгу – и у всех по-разному, сообразно природе самого слушателя. Аран доносил свою речь непосредственно в клетки мозга, минуя уши.

– Я понимаю вас, – сказал он каждому на его языке. – Вы будете понимать меня. Я беглец из Гибнущих миров. Нас было шестеро. Мы хотели совершить поворот нашего времени, выйти во время дальше и удержаться в нем. Нам не удалось удержаться, мы выпали из будущего времени в свое. Мои товарищи погибли при первом повороте. Они не вынесли будущего. Они могли жить лишь в настоящем. Я уцелел, но потерял сознание при падении. Вы спасли меня. Задавайте вопросы.

Великую бы я совершил погрешность против истины, если бы не упомянул об изумлении, с каким мы слушали паукообразного астронавта. Нам встречались существа и более диковинной внешности. И в прямой речи, мыслью в мысль, без дешифраторов, особой странности не было – разве не так когда-то Орлан внедрял в мой мозг свои сообщения? Не было поводов удивляться! А мы растерянно переглядывались, ни один не мог скрыть изумления: слишком уж скор и прост оказался контакт со странником. Совершенство понимания нашего языка, нашего способа мыслить, нашей логики, наших чувств – вот что было непостижимо, и мы поразились, даже немного испугались того, как легко удалось постороннему проникнуть в наши мысли и заговорить внутри нас своим голосом на нашем языке. Здесь была не только неожиданность, но и опасность, мы ощутили ее сразу. И мы уже не так вслушивались в содержание передачи незнакомца, сколько старались понять, как она идет. Какой-то древний остряк пошутил: «Самым интересным у говорящей лошади являются не смысл ее слов, а тот факт, что она вообще разговаривает». Аналогия с говорящей лошадью была. Я похвастался перед всеми, что незнакомец повстречался с высшей силой. Обращением к нам он скромно показал, что мы повстречались с высшим разумом.

– Если не возражаете, я поведу беседу с уважаемым скитальцем по времени, – сказал мне Ромеро и обратился к арану: – Итак, дорогой звездный гость, вы беглец из Гибнущих миров. Разрешите поинтересоваться – что это за Гибнущие миры?

В мозгу каждого прозвучал ответ:

– Вы скоро увидите их. Вы идете курсом на Гибнущие миры.

– Вы принадлежите к жителям Гибнущих миров?

– Они населены такими, как я и мои погибшие друзья.

– Я еще возвращусь к вопросу о природе мест вашего обитания, если не возражаете. Сейчас меня интересует другой вопрос. Вы бежите из родных звездных гнездовий, если позволено так назвать ваши... м-м... Гибнущие миры. Но почему для бегства вы выбрали коллапсар? Такое ужасное событие, как коллапс, само по себе губительнее всего в звездном мире.

– Наши миры поразила болезнь времени. У нас время рыхлое, оно часто разрывается. Я читаю в ваших мозгах название страшной болезни, когда-то свирепствовавшей в ваших мирах. У нас рак времени.

– Рак времени! – воскликнули мы почти разом.

– Да, рак! Мы захотели вырваться из нашего времени в любое другое, прошлое или будущее, лишь бы здоровое. При коллапсе звезды время трансформируется. У нас была защита от усиления гравитации. Мы попали в инверсию времени, как хотели. Но будущее не удержало нас в себе.

– Печальный просчет, дорогой... Как вас называть?

– Называйте Оаном.

– Итак, вы шестеро надумали бежать из своего общества и своего времени?

– Из времени, а не из общества. Мы – посланцы отвергателей конца.

– Я правильно понял: отвергателей конца?

– Отвергатели конца, наши братья, отправили нас на разведку выходов в здоровое время.

Ускорителей конца воодушевляет восторг гибели.

– Отвергатели, ускорители... Если я верно толкую, между этими двумя группами споры?

– Война! – прозвучало в ответ. – Отвергатели воюют с ускорителями, чтобы те не ускоряли, а ускорители уничтожают отвергателей, чтобы те не отвергали. Ускорителей поддерживает Отец-Аккумулятор.

– Отец-Аккумулятор? У нас слово «аккумулятор» не может относиться к живому существу!

– Я нашел его в ваших мозгах. Оно хорошо выражает природу властелина, осуществляющего грозную волю Жестоких богов.

Ромеро выглядел обалдевшим. То, что его ошеломило, – какие-то мелкие раздоры отвергателей и ускорителей, какой-то Отец-Аккумулятор – было неизмеримо менее важно, чем удивительная форма допроса: мы, задавая хитроумные вопросы, пытались узнать у Оана о нем и его обществе, а он спокойно читал в наших мозгах, как в книге. Он видел нас насквозь. И хоть его ссылки на поиски в нашем уме удачных понятий и терминов не звучали угрозой, самый факт таких поисков и находок был грозен. Я обратил на это внимание Ромеро:

– Павел, он, кажется, так хорошо разбирается в нас, что мог бы развеять наши недоумения и без вопросов. По-моему, он узнает, что нас заинтересует, еще до того, как мы сами догадываемся, чем надо заинтересоваться.

Я говорил это, не отрывая глаз от арана. Он спокойно покачивался перед нами на двенадцати ногах. Он парил между полом и потолком – я уже упоминал об этом. И он покачивался, паря! Не взлетал вверх и не опускался, как птица, а раскачивался на гибких ногах. Он опирался ими о воздух, как о грунт, они плавно изгибались в сочленениях, туловище то опускалось, то поднималось. И змееволосы на голове шевелились, разбрасывались в стороны, собирались в пучок, удлинялись, сокращались, они были очень живыми, эти жуткие волосы, похожие на десятки хищных рук, ими, не сомневаюсь, можно было хватать, и душить, и гладить, вероятно – и причесываться, и присасываться, и оплетать. Ромеро потом говорил, что подобные волосы носили древние вымершие горгоны. Думаю, он преувеличивает. Я хорошо знаю земные музеи, но горгон там не экспонируют, во всяком случае – мне они не попадались. Оан, безусловно, понимал, чего я от него хочу, но и не подумал выполнить мое желание. Ромеро продолжал расспросы:

– Итак, отвергатели и ускорители конца, Отец-Аккумулятор, Жестокие боги... Я не уверен, что человеческие понятия о богах соответствуют реальным существам вашего мира. Наши боги – создания фантазии. Вне нашего сознания их нет и не было. Вы меня понимаете?

– Понятие «боги» в вашем мозгу вполне соответствует властителям Трех Пыльных Солнц. Нужно только добавить «жестокие», ибо властители Трех Пыльных Солнц безжалостны. Ускорители покорны велениям Жестоких богов, отвергатели восстали против них.

– Вы видели кого-нибудь из Жестоких богов? Их много?

– Они принимают любой облик. Они среди нас. Любой может стать маской Жестокого бога. Ваши слова «дьявольская хитрость» точно их выражают. Они – боги-губители. Они – боги-дьяволы. Мы были великим народом, теперь мы жалкий народ. Так они захотели.

Ромеро опять повернулся ко мне:

– Вы что-нибудь понимаете, Эли?

– Не больше, чем вы, Павел. Ясно одно: существует могущественная цивилизация, не очень церемонящаяся с интересами аранов. Возможно, это рамиры. В таком случае, первые сведения рисуют их не в очень благородном свете.

Ромеро исчерпал вопросы, раговор стал свободным, в него вмешались даже Орлан и Граций. Раньше я не замечал у Орлана особенного любопытства, а величественным галактам оно вообще несвойственно: им всегда так хорошо с собой, что на интерес к постороннему уже не хватает сил. Паукообразный астронавт заставил Грация изменить обычаям. Лишь Бродяга, Эллон да я не задавали Оану вопросов. Дракон прислушивался, хитро прищурившись, а Эллон, по-моему, даже обиделся. До сих пор везде, где он появлялся, он становился центром внимания, а сейчас на него и не смотрели. Что до меня, то я не обращался к Оану, потому что все мои вопросы другие задавали раньше и лучше меня.

Из ответов Оана я запомнил вот что: араны заселяли вторую планету из девяти, вращающихся вокруг Трех Пыльных Солнц – по-видимому, тройной звезды. На остальных восьми планетах жизнь не развивалась. Сохранились предания о временах, когда Три Солнца были Ясными, а сами араны – могущественными. Им удалось преодолеть планетное притяжение и вырваться в межзвездный простор. Искусство создания галактических кораблей давно утрачено, лишь один звездолет сохранился в пещерах Отца-Аккумулятора – его и похитили отвергатели, когда надумали бегство в будущее, в сгущении времени коллапсара. Многие тысячелетия никто и не слышал о Жестоких богах. Но они появились и взбаламутили Ясные Солнца, душная пыль затянула планету. Электрические бури высасывают энергию из тел аранов, после каждой остаются тысячи трупов.

Араны, пытаясь бороться, создали корабли, поглощающие космическую пыль. Электрические сердца космолетов наполнили межзвездное пространство засасывающими полями, пыль оседала на кораблях, они, разбухая, превращались в маленькие планеты. Две такие искусственные планеты погнали пыль обратно на светила. Все, что Три Солнца выбрасывали наружу, возвращалось к ним. До этого момента пришельцев араны не интересовали. Все переменилось сразу. Корабли-чистильщики были взорваны в мастерских и в космосе.

Космолеты, ставшие планетами, вышвырнули за пределы Трех Солнц, и сейчас они слоняются где-то, поглощая встречную пыль и расправляясь с мелкими космическими телами, ибо лишь при притоке постороннего вещества сохраняют жизнедеятельность.

– С одним космическим хищником встретились и мы, – сказал Ромеро. – Он напал на нас, но мы его отбросили.

С уничтожения кораблей-чистильщиков начались главные беды. Перед дальними рейсами звездолеты проходили подзарядку у Трех Солнц, накапливая запасы энергии. Теперь взрывался любой корабль, устремившийся к Трем Солнцам. Стало опасно выходить в межзвездный простор.

Несколько кораблей ушло к другим солнцам, сообщения от них вскоре перестали поступать – очевидно, они погибли. Так стала закатываться цивилизация аранов. Оставалась одна надежда – неведомые боги появились внезапно, они могут так же внезапно исчезнуть. Нужно притаиться и ждать часа освобождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.